

10 855-23 / 271-0

ГЕННАДИЙ БОЧАРОВ

ПОЛЕ ЖИЗНИ

Двадцать лет — срок
в обычной человеческой жизни
немалый. Но жизнь длиною
всего в двадцать лет —
трагически мала. Что остается
от такой жизни? Что остается
после человека, прожившего
на земле только двадцать лет?

ВТРОЕ КНИЖ. ОБЩЕСТВО

10 $\frac{35-23}{271-0}$

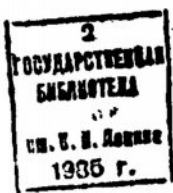
ГЕННАДИЙ БОЧАРОВ

ПОЛЕ ЖИЗНИ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1985

68.49(2)243

Б 86

2007465899

Б $\frac{4702010200 - 315}{078(02) - 85}$ КБ — 042 — 012 — 85

© Издательство «Молодая гвардия», 1985 г.

ПОИСК ОТВЕТОВ

В оинское подразделение, в котором Николай Чепик служил в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане, было направлено в одну из восточных провинций страны. В провинции участились случаи нападения душманов на мирных жителей, поджоги школ, мечетей, дуканов, зверские убийства.

В ту зиму даже в Кабуле было беспокойно. Я жил в самом центре города, рядом с бывшей резиденцией королей и последнего из них — Дауда. Ночные снегопады не заглушали вы-

стрелов, а слово «душманы» слышалось чаще других. Враг изворачивался, хитрил и нападал. Не проходило, кажется, недели, чтобы радио или телевидение не сообщало о диверсиях на городских водокачках, хлебозаводах или электростанции.

Все это, вероятно, походило на обстановку в Петрограде, Москве или Ташкенте в первые годы после революции. Но, конечно, с поправкой на другое время и совершенно другой, непохожий мир.

В Афганистане Чепик и я видели, в сущности, одно и то же. Но воспринимали, конечно, по-разному. Мне к тому времени уже приходилось видеть разрушенные американскими бомбами дома и целые улицы в Ханое, развороченные долины Лаоса, истерзанную короткой, но кровопролитной войной Дакку, пламя диверсий на Африканском континенте — в Анголе. Журналисту выпадает увидеть многое. А Николай Чепик вырос в спокойной, мирной обстановке. Но это мне и кажется самым важным — то, что, несмотря на полное отсутствие опыта, закалки, он нашел в себе силы для внутренней перестройки, пришел к своему собственному, глубинному осознанию и воинского и интернационального долга.

Я увидел первых душманов в Кабуле. Он — в провинции. Скорее всего душманы были похожими, как близнецы.

Ночью в пригороде Кабула была предпринята попытка контрреволюционного мятежа. Силами столичного военного гарнизона и отрядов народной милиции — царандоя попытка была подавлена. Утром над городом с грохотом кружились вертолеты афганских ВВС. С вертолетов сбрасывали тысячи розовых листовок, призывающих население к выдержке и спокойствию.

Я стоял у широкого, затянутого мелкой металлической сеткой окна и передавал по телефону репортаж в Москву, в редакцию, о ночных событиях. Часть улицы, ведущей к Афганскому национальному банку, была хорошо видна. На ней и появились первые душманы. Правда, появились они не одни и, как говорится, шли не по собственной воле — их вели работники царандоя. Вели мимо нашей гостиницы, обстрелянной ими вечером. Мимо догорающего соседнего кинотеатра, подожженного ими ночью. Мимо двух перевернутых колесами вверх пассажирских автобусов «Чавдар», изуродованных ими на рассвете. Их вели туда, где им предстояло держать ответ. Я запомнил их фигуры: сутулые, издерганные. Одежду — невообразимое серое тряпье. Но самыми запоминающимися оказались, как всегда, лица и глаза. Лица были фанатичными, дикими и беспощадными. Глаза пылали ненавистью. Наемник ведь спокоен и уверен лишь до тех пор,

пока он на свободе, пока вершит свое погромное дело, пока не попался сам.

Во дворе нашей гостиницы росли три гималайских кедра. Между их стволами виднелись далекие вершины Гиндукуша и близкие чернокоричневые камни подножия. Лица душманов напоминали эти камни. С чем сравнить ненавидящие глаза — я не знаю. Ненависть кипела в них, как смешанная с пеплом кровь.

Душманов увели. Улица опустела. Но они остались в памяти.

Николай Чепик увидел душманов не безоружными, а вооруженными до зубов. Он увидел наемников не из гостиничного номера, не на кабульской улице, усеянной розовыми листовками, а у глухого, промерзшего дикого ущелья.

Душманы напали на них на рассвете. Подло, коварно и внезапно. Когда я пытаюсь представить себе то мрачное утро, я вижу не проблески света и не снег, перемешанный с грязью, а глаза наемников — кипящая кровь с пеплом, те глаза, с которыми встретился взглядом советский солдат.

Но старший сержант комсомолец Николай Чепик и его товарищи не дрогнули: Чепик знал, что делать в первые секунды, а что — в последние. Удар был встречен, как и положено солдатам.

Чепику было двадцать лет.

...Я стою у бюста, на котором выбито имя: Николай Чепик. У подножия — живые цветы. Я смотрю на бюст и стараюсь представить, каким он был. Знаю: совсем недавно, не ведая своей судьбы, он пробежал мимо этого сквера в школу — каких-нибудь двести метров. Школа теперь названа его именем. Школа имени Николая Чепика.

Бюст, у которого я стоял теперь на его родной белорусской земле, жители деревни Блужа установили рядом с обелиском партизанам, погибшим здесь в борьбе с фашистами. Цветы, внимание и память — все поровну.

Каким был Чепик? Я спрашивал об этом у людей, с которыми встречался. Понимал: многие будут употреблять слова, без которых в рассказе о подвиге просто не обойтись: долг, самоотверженность, патриотизм, бесстрашие. Так оно, в сущности, и было: многие действительно говорили эти слова. Но так и должно быть! Другое дело, что одних этих слов — при всей их справедливости и значимости — недостаточно. Человек сложнее слов, которыми его характеризуют. Существует множество описаний, наблюдений и исследований, а вопросы — как и кто становится героем и можно ли заранее знать — кто способен на героический поступок, а кто — нет? — продолжают задаваться вновь и вновь. По-видимому, это происходит потому, что вновь и вновь совершаются

подвиги. И каждый раз новые. И каждый раз — новыми людьми. И каждый раз это волнует, восхищает, будоражит воображение, вызывает преклонение.

Во время одной из давних встреч с Константином Симоновым я услышал от него слова, которые помню до сих пор. «Если речь идет о подвиге, — сказал писатель, — то хочу напомнить: очень важно при описании не выпаривать подвиг из жизни человека, как дистиллированную воду... Очень важно, чтобы подвиг был представлен на фоне реальной жизни, на фоне реальной обстановки...»

Почему я вспомнил слова писателя, обращенные более к литераторам, людям пишущим, чем к тем, кто читает книги о подвигах?

Потому что в этих словах, на мой взгляд, затронуто главное, без чего не бывает не только правдивого описания человеческого подвига, но и самого подвига.

Это ведь действительно главное: фон, среда и жизнь. Именно в жизни берут начало все деяния человека — и героические и постыдные. Нет поступка вне жизни. И любое событие имеет объем. Поведение человека в исключительно сложных обстоятельствах определяется всей его жизнью — условиями, в которых он растет, воспитывается, формируется как личность. Проще говоря: как человек живет, так он и борется за жизнь — свою и чужую. Иных

зависимостей нет. Исключения, как всегда, лишь подчеркивают правило.

Я много писал о событиях, в которых принимали участие люди молодые, только что вступившие в жизнь, и те, кто уже познал ее вкус, ее подлинные ценности. Общим в этих рассказах было — подчеркиваю особо — то, что речь всегда шла об испытаниях, в которых от человека — независимо от его возраста — требовалось предельное духовное и физическое напряжение, безоговорочная отдача всех сил, какими человек только располагал, и часто даже сверх того — сил, которых иной в себе и не подозревает.

И что же? Какова была реакция людей, читающих о чем-то благородном поступке, о чем-то подвиге? Что в этой реакции было главным, наиболее показательным, общим? И был ли у этого отклика общий, единый знаменатель?

Был!

Вот он: интерес к жизни героя. Не только к ее финалу, вершине — подвигу, а именно к жизни. К этому обыденному, повседневному, что предшествовало моменту проявления человеком своих лучших, глубинных качеств. Наверное, это нетрудно понять и не так уж сложно объяснить.

Подвиг совершен, и в чем-то он неповторим. Но совершен он потому, что человек, его совершивший, был к нему готов. И вот эта готов-

ность, обретение сил, насыщение жизнью, ее лучшими соками, стремление стать чище, выше и благороднее, стать похожим на героя и есть, на мой взгляд, главное в реакции на подвиг, отклике на факт его свершения. Это не праздный, обывательский интерес — это огромная, необходимая, важнейшая работа души. И чем она, эта работа, будет напряженней и труднее, тем лучше будут ее результаты, прочнее окажется закалка человека.

В деревне Блужа, в Марьиной Горке, повторю, я разговаривал со многими, кто знал Николая Чепика. В ответах тех, с кем я разговаривал, было много общего. Но самым общим было, пожалуй, это: никто не сказал: «Я чувствовал, что Чепик станет героем». Никто не придумывал легенд и не старался приукрасить героя. Говорили как есть — правду. А правда состояла в том, что до армии Николай был обычным молодым человеком. И ничто — по крайней мере внешне — не обещало судьбы героя. Ничто не выделяло его среди ровесников.

Он был как все. Точнее, как большинство: славный, прямой, добрый парень.

Так о нем говорили. Но ведь было же что-то такое, что в трудную минуту жизни сделало его необычным? Что резко выделило его среди других? Что проявило лучшие качества человека — патриотизм, самоотверженность,

долг, бесстрашие? То есть все то, что так точно обозначается именно этими словами!

Было.

Родители Николая — простые рабочие люди. Татьяна Петровна — колхозница. Петр Антонович — тракторист.

Татьяна Петровна — небольшого роста, милое крестьянское лицо, тихий голос, мягкие движения.

Петр Антонович — высокий, простое обветренное лицо, сильные, твердые ладони. Глаза — добрые, как душа.

С Татьяной Петровной я познакомился в их доме. С Петром Антоновичем в Сельхозтехнике. Был трактористом, теперь — слесарь.

— Привыкаете? — спросил я.

— Да, — сказал он, — но чего-то не хватает. — Подумал, добавил: — Простора.

Понять нетрудно: в поле был грохот — кабина трактора не самое тихое место в мире. Но был и простор — до горизонта. Здесь грохота тоже хватает: ремонт сельхозтехники — главное дело мастерских. Но простор — от стенки до стенки.

Встретились, поздоровались — я протянул руку, он смутился, сказал: «В мазуте».

Сел, ладони положил на колени, брюки замасленные, снял кепочку, и она в масле. Говорили в цехе, в конторке, выходили во двор, продуваемый легким осенним ветром.

Коля... Коля... Коля...

— Как дочери? — спросил я.

— Нормально, — ответил Петр Антонович. — Валя ведь живет в Минске, работает штукатуром. А Аня здесь, с нами, обувщица в объединении «Луч».

— Внуки?

— Когда Коля служил, был только Сережа, — сказал Петр Антонович. — Теперь — армия.

— Армия?

— Ну, Сережа и еще четверо.

— Да, — согласился я, — пятеро внуков — это армия.

— Но Коля знал только о Сережке, — уточнил Петр Антонович.

С Татьяной Петровной говорили дома. Я не задавал никаких вопросов.

Чем утешить?

Что сказать?

Что сделать?

Чего не делать?

О чем спросить?

Чего не касаться?

Как повести?

Что пообещать?

Как попрощаться?

Ничем, ничего, ни о чем и никак. Кем бы ни был, как бы ни переживал и как бы ни старался — ты только прохожий. После сына —

ты только прохожий. И с этим ничего не поделаешь. И делать ничего не надо.

Когда Татьяна Петровна рассказывала о сыне — слушал. Когда молчала — молчал. Колины письма читали вместе. Я читал, а она перечитывала. Она не выбирала писем — эти можно читать, а эти нельзя. Нет. Она лишь разбирала их, раскладывала на диване, пряча слезы, смешивала, взъерошивала, как когда-то чуб Коли, и передавала мне. Я брал письма — на каждом конверте стояла крупная цифра: письмо помечали, чтобы знать, какое пришло раньше, а какое — вслед за предыдущим. Память давней, военной поры?

Сын писал часто.

В одной из комнат новой квартиры, полученной ими уже без Николая, на двух противоположных стенах я увидел два больших фотопортрета. Татьяна Петровна сказала: «Это нам сделали недавно». На обоих портретах Николай был переснят с армейской фотографии в форме десантника — Золотая Звезда Героя была впечатана в кадр по просьбе Татьяны Петровны. Я подошел, присмотрелся и увидел: портреты были совершенно одинаковыми. Но и разными: один цветной — все краски юности! А другой черно-белый...

С двух сторон дороги, по которой я возвращался в Минск, лежали перепаханые поля. Над полями летали быстрые птицы, скрывались

на мгновение в сизых, легких испарениях, появлялись снова. Черно-белый мир поздней осени уже властвовал всюду. Я думал о Чепике, но вспоминал и других людей. Чаще всего — Героя Советского Союза генерала Александра Ильича Родимцева, легендарного защитника Сталинграда, и его друга, болгарского седоголового генерала Димитра Гилина. Почему их — ветеранов минувших сражений, людей, никак не связанных с юным героем другого времени, другой войны? Что между ними общего?

Вроде бы ничего. Но я вспоминал этих людей не случайно.

Много лет назад вместе с ними мне уже приходилось ехать по этой доброй белорусской земле. Вместе с ними я видел и эти поля и эти облетевшие леса, бесшумные, как рисунки. Я слушал размышления ветеранов о тех же вещах, о которых теперь размышлял сам, приступая к рассказу о Николае Чепике.

В блокнотах того времени остались записи о встречах советского и болгарского генералов с белорусской молодежью. Тема встреч была, в общем, традиционной: интернационализм, памятные сражения, рассказы о героях. Но, вспоминая о них теперь, я думал о том, что в жизни все сплетено и взаимосвязано, все длится, ничто не утрачивается — ни слово, ни дело. Ни хорошее, ни плохое. Ни твое, ни чужое. В молодости ты, конечно, можешь надеяться,

что какой-то твой поступок, твое слово или даже скрытое намерение унесет время. Но время ничего не уносит — к пятидесяти ты знаешь об этом уже точно. Время возвращает тебе все — и постыдное и достойное. Неважно в каком виде — рассеянном или сконцентрированном, как удар или как вознаграждение. Важно, что возвращает. Возвращается и слово и дело. И хорошее и плохое. И твое и чужое — услышанное и познанное тобой. Но давно замечено: у добрых слов и у добрых дел — особые свойства, особая живучесть. Они как бы защищены сверхпрочной броней.

Присмотришься к жизни — так и есть.

Встречи Родимцева и Гилина с молодежью земли Николая Чепика не могли оказать прямого воздействия на самого Николая — в то время он был еще слишком мал. Но вся его юность и, в сущности, вся жизнь прошла среди тех, кто воевал и победил, кто прославил белорусскую землю, кто слушал и видел многих легендарных героев. С малых лет Николай знал защитников своей земли, знал своих земляков, героически погибших на фронтах Великой Отечественной войны, знал каждого, кого знает страна. Не откликаться на эти знания юное сердце не могло. Иначе оно не юное.

Однажды Коля Чепик — в то время ученик седьмого класса — отправился в Минск и разыскал в незнакомом огромном городе Героя

Советского Союза Елену Мазаник. Разыскал, встретился и сказал: «Мне хотелось бы послушать ваши рассказы о войне».

Елена Григорьевна не могла отказать неожиданному гостю — как и Коля, она родилась в Пуховичском районе Белоруссии, была его землячкой. «Что я могу тебе рассказать? — спросила она. — Ты ведь и сам знаешь главное по фильму» (Е. Мазаник имела в виду известный фильм «Часы остановились в полночь», в основу которого положены подлинные события: в ночь на 22 сентября 1944 года взрывом мины, установленной ею в особняке, был уничтожен палач белорусского народа, гитлеровец В. Кубе. — Г. Б.).

— Одно дело в кино, — сказал Коля, — а другое — увидеть вас.

Пройдет всего четыре года. Пройдет всего четыре года...

Николай с детства рос в той особой атмосфере, в которой прошлое — героическое прошлое народа, его подвиг в годы Великой Отечественной войны — не существовало само по себе, как это часто бывает с прошлым. Здесь прошлое жило наряду с настоящим, было его живой частью, духовной опорой, нравственным камертоном. Понятия «Брестская крепость», «Хатынь» входили в сознание Николая одновременно с понятиями «Родина», «мать», «хлеб», «работа», «борозда», «совесть».

Эту особую атмосферу ощущает каждый, кто побывает в Белоруссии. Тем более тот, кто здесь живет. Едешь по белорусской земле и видишь: на месте пожарищ — новые города, на месте боев — новые заводы. И новые хлеба на старых полях, и новые деревья на прежних плацдармах. Едешь и думаешь: плохо, когда не верится, что на месте прекрасного нового города были развалины; на месте хлебного поля — поле кровавого боя; на месте цветочных клумб — виселицы. Конечно, радостно, что самые военные места и дороги стали самыми мирными и преобразились до неузнаваемости. Но плохо, если начинаешь задаваться вопросом: неужели здесь было?

Было!

Белорусы помнят: было.

Спустя четыре десятилетия после Великой Победы в любой белорусской деревне маленькой красной звездочкой помечены все дома, в которых живут участники войны. Едешь по улице и видишь эти звездочки. Волнующие знаки народной памяти.

Едешь мимо курганов Славы (древняя славянская традиция) — их в республике более 30 — и узнаешь: самый главный из них — Минский курган Славы — всего лишь на два метра ниже кургана Ватерлоо, но главное, что ты узнаешь, заключается в другом: ни на один из этих курганов не потрачено ни одной копейки

народных денег — все они были сооружены в нерабочие дни молодежью: школьниками, студентами, молодыми рабочими.

Всё — увековечивание мест, где шли наиболее ожесточенные бои, мест наиболее ярких подвигов партизан — партизаны Белоруссии, как известно, сражались с 16 немецкими дивизиями! — установка обелисков, восстановление фамилий, имен павших в боях, поиск без вести пропавших и многие другие акции — все это тоже делается и делалось руками молодых.

В любой школе ученики пишут сочинение на тему: «Ветеран, которого я знаю». В любой школе оформлены уголок, музей, комната, в которой собраны документы, экспонаты Великой Отечественной войны.

Повторю — все это тоже делается руками молодых, с их участием, их помощью и часто — по их инициативе. На первой стадии это прекрасное патриотическое движение, охватившее сегодня всю молодежь республики, по-отечески умно направляемое ЦК Компартии Белоруссии, помогло восстановить фамилии тысяч героев, погибших в боях и похороненных чаще всего в братских могилах. Почти в каждой деревне были обелиски, но фамилий на них не было. Сегодня на каждой — имена похороненных. После первого этапа в ЦК комсомола республики родилась идея: от поисков имен погибших — к заботе о тех, кто жив. Так нача-

лось поистине прекрасное движение: теперь оно — привычная примета дня. Ветераны войны окружены вниманием ребят, школьников, учащихся ПТУ, молодых рабочих, колхозников, студентов. Людей не может оставить равнодушными эта чистая, сердечная повседневная забота. Именно повседневная!

Но лучшие, волнующие моменты, конечно, бывшие ветераны испытывают в праздничные дни, а особенно в дни, когда вся страна празднует Великую Победу. И к этому дню каждый из них получает от своих молодых опекунов трогательные сувениры — кисеты, фуражки, платки и так далее. В школах существует даже конкурс, он так и называется — «На лучший сувенир ветерану». Подчеркну — все делается собственными руками, никаких магазинных покупок.

В республике создана уникальная библиотека мемуарной литературы. Я поинтересовался: на каком месте в графе читательского интереса находятся мемуары военного времени? Ответ был совершенно определенный — на первом. Многие годы — на первом.

В Пуховичском районе, где вырос Коля, в годы войны действовало много бригад и партизанских отрядов. Бригадой «Пламя» руководил Герой Советского Союза Евгений Федорович Филиппских. Коля знал его биографию. В боях за эту землю погиб Герой Советского Союза

Василий Федорович Токарев. Коля знал о его подвиге. Среди героев-партизан в их районе особая, трогательная слава окружала имя героически погибшей комсомолки Любы Гайдученок — Коля бывал у ее памятника, поставленного молодежью Пуховичского района, не раз. Коля, как и другие ребята — и младших и старших классов, — постоянно приходил на встречи с замечательным рассказчиком, заслуженным учителем БССР, ветераном 48-й армии Виктором Григорьевичем Орловым — он основал и возглавил один из лучших в районе музеев. (Здесь, в Пуховичском районе, была редакция издаваемой в годы войны газеты «Партизан Белоруссии».)

Все это, повторю, впитывалось, усваивалось, крепло в сознании, сердце Коли с малых лет находилось в тесной, незримой связи с настоящим...

Он рос!

В годы войны на территории Белоруссии сражались люди всех национальностей, населяющих нашу Отчизну. Не только в регулярной армии, войсках, но и в прославленных партизанских соединениях.

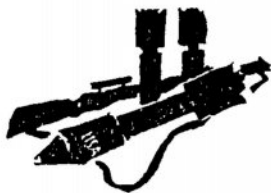
Заведующий отделом пропаганды Центрального Комитета Компартии Белоруссии Савелий Ефимович Павлов, рассказывая о проводившейся в республике политико-воспитательной работе, употребит, по-моему, очень точное и

образное выражение: «уникальный остров патриотизма».

...Возвращаясь из Марьиной Горки, я думал о том, что в жизни Героя Советского Союза комсомольца Николая Чепика все помечено печатью юности, ее весенними красками.

И лишь память о бюсте Героя заставляла забыть о его возрасте. А забыв о возрасте, увидишь главное — судьбу зрелого мужчины. Судьбу, в которой было все: учеба, работа, любовь, служба и ратный подвиг.

ПЕРЕД БОЕМ

Февральские ночи в афганских горах не просто темны. Они аспидно-черны. Снег черный, небо черное, ветер черный — время для черных дел.

Старший сержант Николай Чепик и его товарищи видели близкое пламя. Один из них рассказал мне: пламя поднималось над дуканами соседнего селения.

Красный конус был виден отовсюду. Лавки поджигали душманы. Удар ощутимый: в лавках продавались мука, чай, лепешки, изюм. Утром люди придут за продуктами, а на месте дуканов — пещел. Продукты купить больше

негде. Кто виноват? Виновата новая власть? При старой лавки не поджигали.

Наемники терзали это селение давно. Убийства и грабежи не прекращались. Советские солдаты знали: душманы отравили воду в единственном колодце. Убили двух активистов НДПА. Разворошили дом сотрудника царандоя. Похитили детей человека, ушедшего в Народную армию. В действиях наемников были бездушные, жестокость, но не было стихийности. Наоборот, — и это бросалось в глаза — была организованность, продуманность.

Наемники появлялись в провинции после обучения на базах в Мерам-Шахете, Джобе, Квешти, Парачионаре, Чираспе и других районах Пакистана. Душманов вооружали автоматами, доставленными по Каракорумскому шоссе. Но не только. Их вооружали еще и знаниями диверсионной тактики, методов ведения подрывной войны.

В дни, когда писались эти строки, информационные агентства сообщили, что на территории Пакистана уже создано и действует свыше ста базовых лагерей по подготовке и обучению наемников. Но в те дни, когда Николай Чепик нес свою службу, их тоже было немало. И число бандитов, засылаемых в глубь революционной республики, исчислялось тысячами. И бесчинства, погромы и провокации совершались не от случая к случаю, а постоянно. А методы

провокаций! Однажды после долгой зимней ночи, в течение которой происходили беспорядки, я попал в кабинет первого секретаря ЦК ДОМА * Бурхана Гияси (ныне Б. Гияси — министр просвещения ДРА). На его столе лежали два динамика и бухта электрошнуров.

— Уже несколько ночей, — сказал Бурхан, — над разными районами Кабула слышны крики многотысячной толпы, стоны людей, заклинания. Крики есть, а людей нет.

— Меня это удивило тоже, — сказал я.

— Вот он, ответ, — сказал Бурхан и кивнул на динамики.

Рассказал: в последние дни активистами ДОМА были обнаружены магнитофоны с усилителями, по которым велась трансляция антиреволюционных призывов, сопровождаемых душераздирающими криками. Все это записывалось на пленку и транслировалось, чтобы имитировать фон крупного собрания. Бойцами народной милиции, активистами было изъято множество кассет с подобными шумовыми фальшивками. Удалось узнать: записи плача, требований, призывов и заклинаний были сделаны в домах людей, к которым внезапно врывались вооруженные провокаторы с магнито-

---

* Демократическая организация молодежи Афганистана.

фонами и под прицелом автоматов заставляли людей «озвучивать» их пленки.

После разговора с Гияси я отправился на улицы Кабула. Следы бесчинств еще были свежи, на тротуарах в холодной грязи сверкали осколки разбитых оконных стекол, на Ширину зиял огромными проломами трехэтажный дом, дымилась краска на догорающем такси... Мы приехали к водонапорной башне во втором микрорайоне, которую охраняли активисты ДОМА. Нам показали гранаты и взрывчатку, найденные утром в тайнике, рассказали о нападениях контры.

— Они посходили с ума, — сказал мне невысокий молоденький парнишка с автоматом. — Озверели, когда у них ничего не вышло с башней.

— А что они затевали?

— Повредить башню, — ответил он, — значит оставить без воды весь микрорайон. — Парень обвел рукой предгорные кварталы. — Все эти дома. Поэтому мы и не отходим от башни, — сказал он. — И мои братья, — добавил он, — тоже охраняют воду. — Его огромные глаза сияли гордостью.

Он был ровесником Николая Чепика. И жили они в одни и те же дни. И сражались с одним и тем же злом. И с одинаковой силой юности верили в завтрашний день.

Через час после возвращения в гостиницу мне позвонил Гияси.

— Рафиқ * Геннадий, — проговорил он, — у нас большая беда... Только что тяжело ранен наш активист... он охранял водонапорную башню... да, в микрорайоне... вас недавно знакомили...

Перед моими глазами тут же встало юное лицо парня с автоматом в руке.

— Он ранен в позвоночник... Пуля душмана попала в спину...

— Его смотрели врачи? — спросил я и с горечью подумал: «Врачи! Их ведь здесь один на двадцать тысяч больных, врачи...»

— Санитар сказал, что парень сможет выжить, но не сможет двигаться, — проговорил Гияси. — Если не умрет. Он без сознания.

Через некоторое время Гияси подтвердил: ранение тяжелейшее, помощь может быть оказана только в современной больнице и лишь самыми опытными нейрохирургами.

— Это один из преданнейших делу революции людей, — проговорил Бурхан. — На таких, как он, его отец и его братья, держится наша революция.

Я положил тяжелую старомодную трубку на лязгающий рычаг. Снял снова и позвонил на международную телефонную станцию.

---

* Товарищ.

Москву дали через три минуты. Я звонил главному редактору «Комсомольской правды», в которой тогда работал.

— Он занят, — ответили из приемной.

— Это чрезвычайное дело, — сказал я.

Главному передали, он прервал выступление в Голубом зале и подошел к телефону.

Я рассказал о случившемся и о разговоре с Гияси.

— Что можно сделать? — спросил он.

— Лучшее, что можно сделать, — ответил я, — это отправить парня самолетом авиакомпания «Ариана» в Ташкент и отдать его в руки наших врачей.

— Правильно.

Мне было слышно, как главный редактор связался по другому аппарату с первым секретарем ЦК ВЛКСМ и объяснил ситуацию.

— Все будет сделано, — долетели до Кабула слова, — ждите.

В тот же вечер в Центральный Комитет ДОМА позвонили из советского посольства в Кабуле:

— Где ваш раненый?

...Его отправляли утром, несли к самолету на носилках, и, обдуваемый ветром близких ущелий и ледников, он впервые с момента ранения открыл глаза и впервые улыбнулся, оставив слабую надежду тем, кто его провожал.

Ему, как и Чепику, было двадцать...

В те же дни в провинции восточнее Кабула двадцатилетний советский солдат Николай Чепик, противостоя, сдерживал натиск наемников, их вероломные, хитрые, подлые нападения на новую, еще не окрепшую народную власть.

В эту ночь наемники подожгли дуканы. «Если нож — брат душмана, то ночь — его сестра», — говорил Вадим Ким, лучший армейский друг Николая Чепика. Эту фразу они повторяли как поговорку. Бывший командир Чепика старший лейтенант Павел Агафонов писал родителям Николая: «То, что мы увидели в провинции, потрясло нас. Банды наемников, заброшенных из-за границы, по своей жестокости, наверное, превосходили даже зверства немецких фашистов. Вы, Татьяна Петровна и Петр Антонович, как жители Белоруссии, знаете это по прошедшей войне. Но и нам, молодым людям, воспитанным в духе ненависти к фашистам всех мастей, в духе интернационализма, тяжело было это видеть».

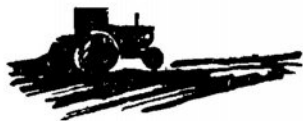
...Ночь, в конце которой на них напали, была снежной и ветреной. Некоторые вспоминают, что видели накануне вечером Николая Чепика одного: он стоял на снегу и смотрел в темноту. В армии остаться одному даже на несколько минут не так-то просто: ты всегда рядом с кем-то. Но, может быть, Николай действительно стоял какое-то время один. Может

быть. Когда человек один, он думает чаще всего о том, о чем среди людей думать трудно. Николай мог думать о многом — сказать, о чем именно, — невозможно. Но, думая о многом, он наверняка не мог думать об одном — о смерти.

Это сказать можно точно.

БУДНИ

(ПОИСК ОТВЕТОВ)

Детство в двадцатилетней жизни — это полжизни.

Дом, в котором он вырос, замыкал их длинную деревенскую улицу. Дальше был лес. Я приехал в эту деревню и пришел к его дому. Все казалось знакомым: улица с высокими деревьями у выкрашенных заборов, близкая дуга зеленого леса, сказочная опушка с мягкой желтеющей травой.

Я стоял у калитки и смотрел вокруг. Ответ пришел сам собой: места, в которых проходит детство многих литературных героев, выглядят именно так. А в кино они только так и вы-

глядят. Но наше представление об идеальных уголках мира — родине героев — складывается, по-видимому, не только под воздействием вечной тоски по такому уголку. Просто такие уголки время от времени мы видим собственными глазами. Они на самом деле есть. Бывшая деревня Чепика Червоный Май как раз такое место, такой уголок.

Их прочный дом был прочен не только стенами. Стены, как известно, можно сделать и сверхпрочными, а люди, живущие за сверхпрочными стенами, могут при этом оставаться слабыми, ни на что не способными. Разве что на новую заботу о собственных стенах. В деревне Червоный Май мне говорили: в доме Чепиков все было ладно, все было прочно — и люди и стены. Дети — дочери Анна и Валя и сын Николай — росли на виду у всей деревни. Люди видели: дети растут трудолюбивыми и добрыми, приветливыми и честными.

Расскажет Татьяна Петровна:

— Отец приехал домой на обед. Приехал на тракторе. Коля играл во дворе. Сколько ему тогда было лет? Почти пять?

Петр Антонович поправит:

— Ровно пять.

Татьяна Петровна продолжит:

— Отец поел, уехал. Прошел дождь, была грязь. Я возилась на кухне, бросилась —

Коля нет. На улице нет, на опушке нет. Убежал в лес? Решили искать.

Петр Антонович расскажет:

— Я пахал поле, смотрю, приближается кто-то маленький, как заяц. Коля! Поднял его в кабину, а он совсем без сил. Тут же, под грохот, в кабине и уснул. Два километра по следу моего трактора отшагал. Для пяти лет — расстояние!

Нетрудно представить эту картину: огромное вспаханное поле и одинокий ребенок на нем. Трудно представить другое: что должен был пятилетний человек, кроме тяги к отцу, испытывать перед бесконечностью этого огромного поля. Что он чувствовал, когда решился на его преодоление...

Не все, что человек обещает в детстве, находит свое продолжение, отзвук в зрелости, в будущей жизни. Но дорога, на которую он ступает в первые свои годы, продолжается до последних дней — дорога не может остаться в детстве.

Близкий лес и сказочная опушка обживались детворой деревни со сладким, изнурительным постоянством. Друзья Коли — Витя Паромчик, Миша и Сергей Макей, Коля Андросик — вели здесь великие сражения, битвы, играли в партизан, устанавливали шалаши, рыли землянки, устилали их пол мягким мхом, мас-

кировали (от взрослых!) ветками, обсаживал крошечными елочками...

Сегодня бывшие мальчишки — отслужившие в армии парни, многие семейные, у некоторых дети, у каждого специальность. А опушка теплит их глаза и сегодня. Отсюда цепочкой они тянулись в свою первую — начальную — школу: сухо — пешком, грязь — на попутных тракторах, в мороз — на тепловозах, проходящих рядом с деревней. Потом им купили велосипеды. Потом была другая школа — средняя...

...Этот близкий густой лес и просторная опушка. Эти высокие зеленые деревья и мягкая примятая трава. Эти убранные огороды и белые сухие трубки цветов. Эти неровные глубокие овраги и серебристая паутина, низко летящая над миром детства. Нельзя ничего вернуть и нельзя вернуться. Детству, как и любви, отданы лучшие песни человечества. Но даже самый щедрый дар не меняет дела: ни детство, ни первая любовь не приходят к одному и тому же человеку дважды.

Однако не ровесникам Николая Чепика думать об этом! Ни один восемнадцати- или двадцатилетний не мечтает о возвращении в детство. Никто не желает снова стать маленьким!

Возраст Николая — 20 лет — это возраст старта. Молодость устремлена в будущее. Завтрашний день влечет, тянет и будоражит...

...Я провел немало времени в средней школе, где Николай учился в старших классах. Хотелось найти шифр, предпосылку, намек: вот то, что проявилось впоследствии с такой яростью и силой.

Ничего! Ничего особенного. Он был средним учеником. Я не сторонник того, чтобы пятерку, полученную человеком в пятом классе, связывать с орденом, полученным им в 50 лет. Вряд ли такая связь вообще существует. Даже по новейшей теории. Цифры, конечно, суть всех вещей, но цифры в школьных дневниках, по-моему, тут ни при чем. Так что не о них речь. Речь о другом: о человеческих качествах маленького человека, из которого очень быстро вырастает большой.

Сегодня известно, кем Коля стал в свои двадцать лет. А кем бы мог стать в сорок или в пятьдесят — неизвестно. Этого не знает никто, об этом можно только гадать. Ему не прочили блестящего будущего — в сельских школах пророчество еще не набрало городских оборотов. Он был честным, трудолюбивым, порядочным парнем, обычным учеником — повторю это еще раз. Нормальным! Мне кажется, что именно здесь, в этой устойчивой, добротной нормальности, и зарождаются, вызревают энергия, благородство и самоотверженность, которые при определенном стечении обстоятельств проявляются как подвиг. Биографии

большинства героев подтверждают это. Ни один из них в свои юношеские годы не дал повода утверждать: вот этот будет героем. Музыкантом, ученым, писателем — куда ни шло. Но не героем.

После подвига Нади Курченко Герой Советского Союза Алексей Петрович Маресьев сказал очень точные слова: «Думаю о короткой, простой биографии... Невольно ищу что-нибудь такое, что предвещало бы подвиг, намекало бы на возможность героического поступка. Нет, не нахожу. Так же как не обнаружил бы в простых биографиях Зои Космодемьянской, Юрия Бабанского, Николая Гастелло, Валентины Терешковой...»

Учителя Николая Чепика так вспоминают о своем ученике.

— С семьей Чепиков я познакомилась раньше, чем с самим Николаем, — расскажет преподаватель Блужской средней школы Анна Антоновна Титенко. — Я была классным руководителем у Вали, старшей сестры Николая. Хорошо знала их мать — Татьяну Петровну. Коля пришел в нашу школу в 1970 году из Поддегтярской начальной школы. В 4-м классе я ничего не преподавала, но внимание на этого мальчика обратила сразу: во-первых, он младший брат моей ученицы, во-вторых, был очень подвижный, общительный. Когда Коля перешел в 5-й класс, я стала преподавать у них ис-

торию. Класс был большой, в нем было много учеников, успевающих на 4 и 5. Но большинство из них были девочки... Николай недостаточно внимания уделял подготовке домашних заданий, занимался ниже своих возможностей. А возможности у него были большие: ему было достаточно послушать учителя лишь один раз, чтобы на второй день, не заглядывая в учебник, повторить услышанное... Как и большинство ребят, Коля любил слушать о народных восстаниях, о борьбе за независимость, о народных героях. Он всегда был готов отвечать — причем на «отлично»! — урок, когда речь шла о Куликовской битве, Ледовом побоище, о восстании декабристов... Он очень любил спорт. В деревне он и его друзья оборудовали спортивную площадку... Он был лучшим спортсменом в классе, был физоргом. И так как, повторю, девочек в классе было больше, чем ребят, в многочисленных соревнованиях, которые проводились школой, Коле самому приходилось участвовать в большинстве видов спорта. Благодаря ему наш класс часто занимал призовые места...

Помню такой момент: во время спортивного праздника наши ребята должны были бежать в эстафете 4×100 м. Коля стоял на последней дистанции. Первый из наших ребят прошел свою дистанцию хуже соперников. Еще два парня не смогли исправить положения. Мы

приуныли: проиграем. Если бы такое же настроение было и у Николая — проиграли бы точно. Но он был настроен иначе. Он включился в борьбу — обошел одного соперника, второго, третьего и первым пришел к финишу. Класс занял первое место. Вижу Колю как сейчас — разгоряченного, счастливого, смеющегося, крики, аплодисменты, поздравления...

...Ничего не значащие факты из школьной жизни? А может быть, ростки будущих поступков, первые кирпичики в фундаменте характера?

— Мальчишки из нашего класса, — расскажет в другой раз Анна Антоновна, — особой активностью в общественной жизни не отличались. Как-то так сложилось, что все «руководящие посты» как в классном, так и в школьном самоуправлении занимали девочки. Такая же картина была и в художественной самодеятельности. Но в 9-м классе наступил перелом. В этом была большая заслуга Коли. Классу было поручено подготовить художественную самодеятельность к общешкольному вечеру, посвященному Дню Советской Армии. Но что за самодеятельность в такой «мужской» праздник без участия ребят? Девочки нашего класса заявили, что обратятся за помощью к ребятам других классов. Самолюбие было задето! И первым, кто заявил: «Я буду петь!» — был Коля. За ним — другие.

Мы часто работали на картофельных полях. Работа тяжелая, грязная, а тут еще дожди. Коля отвозил картофель к буртам быстрее всех. Он не только управлял лошадью — сам носил корзины и ведра в повозку... В их семье все дети работали с малых лет. Коля очень любил лошадей, уже в 5-м классе на волокушах отвозил сено... В классе он ремонтировал парты и стулья. В кабинете истории Коля был вроде лаборанта на общественных началах: он всегда помогал мне готовить к уроку проигрыватель, диапроектор, фильмоскоп.

Чем не оценка? И разве не пятерка?

— Коля выделялся среди других ребят абсолютной честностью и прямотой. Он никогда не оправдывался, если был в чем-то виноват. Он не давал громких обещаний, но слово держал крепко. Он был очень жизнерадостен, общителен. Его любили малыши, верили в его справедливость и доброту...

Так говорит сегодня о своем бывшем ученике Анна Антоновна Титенко. Она дважды подчеркнула: «Коле не хватало лишь старательности».

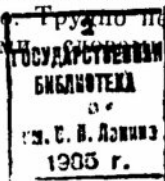
А вот слова Ларисы Степановны Черняк: «Коля был в общем-то как большинство ребят в классе, но в одном — определенно особенный. Что я имею в виду? На вид суховат, помальчишески угловатый. Никогда не подумаешь, что по душе ему тихая, лирическая музы-

ка, лирические стихи. А все было именно так: он любил стихи Есенина, Тютчева, Купалы. Мне кажется, что у него была нежная, трепетная душа. Я все время помню его взволнованные глаза, юное лицо, особенно в минуты, когда он читал свои любимые стихи. Он преобразался и сам казался поэтом. Возможно, я преувеличиваю, но то, что стихи воздействовали на него сильнее, чем на многих его сверстников, замечала не я одна: мы не раз говорили об этом между собой в учительской. Но это, пожалуй, единственное, что выделяло в старших классах Колю среди ребят. Скорее не выделяло, а подчеркивало его индивидуальность...

Заслуженная учительница БССР Анна Александровна Немогай, знавшая Колю с первых школьных лет: «Хороший парень. Временами не очень прилежный, но главное в человеке видно все-таки сразу. И часто — наперед. Конечно, бывает и так: был одним, а вырос другим. Коля вырос, по-моему, таким, каким он был — хорошее в нем стало лучшим и в этом, наверное, и был его рост».

Все, с кем я говорил, пользовались очень простыми и точными словами. Словам возвращался их подлинный, изначальный смысл — говорить другие слова смысла не было.

Я слушал учителей Николая Чепика и думал: как же им трудно. Трудно не восхищаться, не славить громким именем ученика —

своего собственного ученика! — получившего высшую награду Отчизны.

Трудно.

Трудно удержаться от того, чтобы не украсить, не усилить, не выпятить ту или иную черту характера, да и весь облик человека, совершившего подвиг. А еще труднее, наверное, говорить — не молчать! — о чертах, не совсем человека, что ли, украшающих. Вспоминать то, о чем вспоминать в таких случаях не принято.

Но учитель имеет дело не с законченным, зрелым человеком. Учитель занимается человеком растущим. И хороший учитель — а у Коли были хорошие, толковые учителя — знает, что тот, кто растет, кто формируется, не может быть сразу таким, каким бы его хотелось видеть.

Учитель знает: любой благородный человеческий поступок, а подвиг тем более, как и самая высокая горная вершина земли, опирается на фундамент, основу, подножие. Вершина не может без фундамента. Юность — фундамент человека. И пока этот фундамент закладывается — возможно все. В том числе и трудности, и педагогические загадки. Прекрасная загадка Коли в том, что он — как большинство... Жизни только предстояло увязать, стянуть, свести в единое целое те зарождающиеся, зреющие качества и предназначения, которые при обыч-

ном течении дел создают человеческую личность, — только предстояло!

Судьба же Черика проделала эту кропотливую, многолетнюю работу в течение одного мига — мига, в который был совершен подвиг, и человек стал героем.

При попытке рассказать о молодых героях, неизменно возникают эти вопросы: в чем, как, когда зарождаются «зерна», предвестники будущих подвигов, поступков? Есть ли глубинные связи между первыми проявлениями личности человека и всеми последующими, более поздними? В чем единство, однородность этих проявлений? Как вообще связаны осознанный, решительный поступок зрелого человека и первые самостоятельные поступки того же человека в юности, даже в детстве? И связаны ли они?

Большинство судеб доказали: да, связаны. И пусть не всегда эти связи легко установить, пусть они бывают затупеваны, искажены самыми разными факторами жизни, но они, как правило, есть, их можно проследить. Жизнь у человека одна — в ней все едино, все связано: детство и юность, зрелость и старость. Ну а если жизнь обрывается раньше? Как у Михаила Мороза, как у Нади Курченко, как у Анатолия Мерзлова, как у Николая Черика — всем им было около двадцати. Если она обрывается в золотую, сверкающую ранними красками по-

ру? Обрывается, поднявшись на высшую нравственную вершину — вершину подвига? В момент защиты беззащитных? В момент спасения тех, кто уже, кажется, обречен? Обрывается в момент, когда детство еще совсем рядом и почти соприкасается с юностью, а юность еще только набирает силу и лишь готовится сомкнуться с устойчивой зрелостью сердца? Что ж, тогда тем более важно знать, на что он, человек, опирается в последний, главный момент своей короткой жизни.

Отсюда — это желание, стремление, жажда подробного, пристального изучения первых лет человеческой жизни, юности человека, ибо у того, кто остался юным навсегда, не было зрелости, не было старости, не было протяженности с их неизбежным грузом поступков и событий. Не было!

Мне хочется привести слова известного советского поэта лауреата премии Ленинского комсомола Олжаса Сулейменова: «По-моему, подвиг — это акт творчества. Героический порыв, вызванный им, повторим, и даже многократно, а сам подвиг — нет. Он каждый раз особый, уникальный, ибо неповторим человек. К этой мысли я пришел еще во время работы над поэмой о Юрии Гагарине «Земля, поклонись человеку!» (Эти слова Олжаса Сулейменова переместились из поэмы его юности, написанной спустя несколько дней после полета

Юрия Гагарина, на серый гранит обелиска во владимирских лесах, на месте гибели первого космонавта Земли. — Г. Б.). Я часто думал о молодых людях, совершивших подвиг и при этом погибших. Каждый из них в свой героический поступок вложил не только всю свою силу, энергию, обретенную к моменту испытания, но и энергию будущей жизни — тех пятидесяти или, может быть, шестидесяти лет, которые им еще только предстояло прожить. Так, я думаю, бывает всегда: совершая подвиг, человек вкладывает в него все свое будущее, всю свою энергию. И тогда происходит скачок в иное состояние духа, продвижение в иную нравственную категорию, а смерть — если человеку суждено все же погибнуть — становится последней, наивысшей, ярчайшей вспышкой. Такая смерть — всегда свет. И этот свет освещает уже не только собственную жизнь героя, но и жизнь поколения, которому он принадлежит...»

...Я был в музее Николая Чепика. Под музей в школе отведена целая классная комната. Здесь собрано все: фотографии, письма, личные вещи: термос, с которым он ходил когда-то в урочище бобров, песенный диск «Анджей и Лиза», армейская авторучка, бинокль, афганская чашка Коли, осколок скальной породы с места его боя.

Выписка из решения Бюро ЦК ВЛКСМ о

занесении его имени в Почетную книгу ЦК ВЛКСМ. Комсомольский билет...

Билет лежит раскрытым. В таких случаях принято говорить: последним взносом комсомольца стала сама его жизнь.

Последним взносом Николая Чепика стала сама жизнь.

Высокий трагизм этой фразы складывался в годы военного лихолетья и в драматических ситуациях мирного времени. Сколько таких взносов мы уже знаем? По числу подвигов? По числу порывов?

Думаю, дело не в числе. Дело в другом — в решимости этот взнос внести.

А число — лучше бы оно было поменьше.

Комсомольский билет Коли Чепика занял место среди таких же огненных комсомольских билетов, пробитых пулями, осколками, обожженных пламенем и залитых кровью, освященных подвигом, неподвластных времени — неподвижно застывших под стеклами школьных и государственных музеев. Билетов, у которых замедляют шаг и останавливаются те, кто приходит сюда, чтобы увидеть все, что связано с героем, его жизнью и его делами.

Как и большинство людей, я, конечно, бывал в самых разных музеях — и солидных, переполненных экспонатами, и таких, в которых экспонаты умещались на одной-единственной

полке. Сравнения и знаки равенства в этом деле скорее всего неуместны, но маленькие, скромные музеи сельских школ, мне кажется, воздействуют на человека с особой силой. В солидном музее ты можешь многое увидеть. В сельском, в школьном — многое почувствовать, даже пережить. Таким мне показался и музей Николая Чепика.

Школа и музей находятся довольно далеко от Минска — около 100 километров. Но приезжают сюда многие. Уже побывали и зарубежные гости — из Лаоса, Вьетнама, Сальвадора, Афганистана. География, по-моему, неслучайная.

Николай Чепик никогда уже не вернется в свою школу. И все же... Он «вернулся» в нее Героем Советского Союза — «всего Советского Союза» — как сказал один мальчишка.

Всего!

Школу уже узнали и еще узнают тысячи разных людей из разных мест страны и мира.

Тысячи мальчишек еще увидят его бинокль, его форму десантника. Тысячи прочитают его хорошие письма и услышат о его подвиге. И многие в глубине души «примеряют» его подвиг на себя!

...Друг Николая, колхозный шофер Николай Андросик, сказал о его возвращении иначе — как и положено другу: «Мне кажется, —

гико сказал он, — что Коля и сейчас где-то служит, далеко-далеко, и обязательно вернется. Я выйду во двор и увижу — через нашу опушку идет Коля».

...Что остается после человека, прожившего на земле только 20 лет? Если он прожил их как герой — то это «нематериальный», волнующий воображение след — память о подвиге. Многие, если не все, материальные следы, как известно, исчезают бесследно. А память о подвигах — никогда.

ПЕРЕД БОЕМ

Может быть, Николай действительно, как говорили, некоторые, оказался в последний вечер один — пусть даже на несколько минут. Если это так, он вполне мог размышлять о мире, в который попал. Почему нет? Мир, который сейчас его окружал, был совершенно не похож на тот, в котором он вырос. Например, Николай никогда не видел даже средних гор. Холмы — мягкие, добрые, под легким серо-голубым белорусским небом — вот что он видел, что знал с детства. Поля — ровные, ухоженные, родные, с колосющимся хлебом, цветами вдоль дорог, леса — свет-

ло-зеленые, тихие, пронизанные светом солнца — это его окружало с дня рождения, было неизменным фоном его жизни. Здесь же перед ним громоздился величайший каменный узел планеты, сходились горные хребты Гималаев, Гиндукуша, Памира и Куньлуня. Какие чувства он испытал, увидев эти вершины? О чем думал? С чем сравнивал? Что вспоминал?

Ответить невозможно.

Я вижу его, двадцатилетнего солдата, стоящего перед этим громадным, неведомым миллиардотонным нагромождением скал, уходящих в небо, а вспоминаю пятилетнего мальчика, оказавшегося перед пустым, ровным и бесконечно огромным полем своего отца. И там перед лицом неведомого, и здесь. И там жизнь еще только начиналась, и здесь... Не могу объяснить, истолковать эти два момента из его короткой жизни. Не знаю, почему в моем сознании они стоят так близко друг к другу. Может быть, все это — и бесконечное поле и величайшие горы — только случайность, совпадение. Может быть, предзнаменование. Может быть, символы человеческой судьбы.

Может быть...

Николай никогда не слышал надрывных криков муэдзинов, а здесь они раздавались пять раз в сутки: правоверных сзывали к молитве. Он никогда не мог предположить, что чалма на голове горца в развернутом виде

имеет в длину 14 метров и служит ему и ска-
тертью и одеялом. Он никогда не видел жен-
щин, лиц которых не видел никто, — наверное,
думал: паранджа — это прошлый век. Здесь
же это было настоящим. Никогда не видел ро-
зовых терриконов очищенной морковки на сне-
гу — здесь на каждом шагу! Не видел таких
пушистых волчьих и лисьих шапок — под этим
огненным огромным шаром даже взрослый вы-
глядел ребенком!

Все было необычным — привычки, обычаи,
нравы, природа. Все, что окружало его в по-
следний вечер жизни, было чужим. Человеку
близок лишь тот мир, в котором он родился, и
вырос, и живет. В котором находятся все его
корни. А в чужом? Что может быть близким в
чужом мире?

Старший лейтенант Павел Агафонов писал
Татьяне Петровне и Петру Антоновичу: «Каж-
дый из нас, друзей вашего сына, попав в эту
незнакомую страну, был готов выполнить свой
интернациональный долг перед народом Афга-
нистана. Нам близки свободолюбивый дух это-
го народа, его революционные идеалы».

Вот и ответ.

Повторю: в свой последний вечер Николай
мог думать о многом, в том числе и о мире,
который его окружал.

Но только не о смерти.

БУДНИ

(ПОИСК ОТВЕТОВ)

Год работы монтером на Минской дистанции пути — весь трудовой стаж Николая. При обычном течении жизни — мгновение. При мгновенной жизни — долгий и очень важный период... Когда Чепик показал призывную повестку, бригадир сказал:

— Ты сейчас между двумя «надо» — и служить надо, и работать надо. — И добавил: — Жаль с тобой расставаться.

Николай, если попытаться представить себе его состояние, оказался не только между двумя «надо», но и между двумя «хочу». Он хотел работать — это видели все — и хотел слу-

жить, и причем десантником — это все знали.

Вспоминают: он стремился попасть в десантные войска. Встречался с парнями, отслужившими в ВДВ, волновался на встрече с настоящими десантниками, приезжавшими в их школу. Не следует, наверное, преувеличивать значение подобных встреч — для многих они проходят совершенно бесследно. Но не следует и преуменьшать. Я знаю людей, судьба которых была решена именно на школьной встрече. И таких людей может вспомнить каждый. А некоторые при этом подумают и о себе.

Год назад, когда он только пришел на 7-й околоток пути, бригадир, Герой Социалистического Труда Иван Иванович Павлович сказал ему в шутку:

— Покажи руки.

Николай показал.

— Вопросы нет, — сказал бригадир и засмеялся.

Мозоли на руках вчерашнего десятиклассника были такими же, как и у бригадира, такими же, как и у отца. Каждое лето до глубокой осени Николай постоянно в работе на колхозных полях. В учебное время — так же постоянно садился за рычаги отцовского трактора.

Годы, о которых принято говорить с усмешкой или романтическим придыханием, он провел по-рабочему.

Гатьяна Петровна и Петр Антонович говорили: Коля все желал делать сам — своими руками. Это же — слово в слово — повторяли те, кто работал с ним в его предармейский год. Мне кажется, что именно из таких, как Чепик, вырастают люди, которые строят и преобразовывают не только свой двор и свой дом, но и жизнь и мир. Они, эти люди, возводят города — камень за камнем, протягивают дороги — метр за метром, добывают уголь — тонну за тонной. Они создают то, без чего нельзя представить себе нашу жизнь.

С первых дней, так сказать, официальной рабочей биографии Николай попал в бригаду Ивана Ивановича Павловича. Это была, конечно, удача.

Для кого-то такой ход дел мог бы быть и пежелательным: все же лучше, наверное, войти в новое дело с людьми твоего же опыта — спокойней. Не надорвешься.

Для Николая ударная бригада — удача.

Наверное, каждый согласится: трудовое будущее человека во многом зависит от того, в какие руки он попадет с первых дней своей трудовой биографии. Я, например, до сих пор с большой теплотой, большой благодарностью вспоминаю бригадира нашей шахтерской бригады Ивана Кищика, его заместителя — Ивана Зуба, всех тех, с кем посчастливилось работать на донбасской шахте 3-бис.

Они не учили меня и других зеленых в школьном, привычном для нас смысле этого слова. Нет! Они работали так, что хотелось работать как они. Они относились к своему делу так, что хотелось быть на них похожим. Они показывали образцы честного, самоотверженного труда, и ты видел, как такие, в общем-то отвлеченные книжные понятия, как ответственность, рабочая честь, ударничество, выглядят в реальной жизни, в буднях, на деле. Видел, понимал, учился! Ты был поставлен в условия, оказался в среде, где необходимость соответствовать всему, что тебя окружало, стала главным условием. Не считаться с этим условием было просто нельзя. То есть можно было, конечно, и не считаться, но тогда тебе пришлось бы уйти.

Вот и все.

Мой бригадир Иван Кищик не изменился с годами — он стал кавалером орденов Ленина и Октябрьской Революции, его узнавало все больше людей, и все больше людей старались попасть в его бригаду. Молодежь тянулась к нему. Могу сказать — все, кто прошел его школу, знают: им повезло. Знаю и я — мне тоже.

Повезло — повторяю это слово еще раз — и Коле Чепику. Лучшего бригадира, лучшего наставника, лучшего примера в труде и жизни, чем Иван Иванович Павлович, нельзя было

и пожелать. Имспно он, бригадир, первым сразу рассмотрел в Николае то лучшее, что в нем было, что лишь прорастало, вызревало, проявлялось пока едва заметно. Бригадир увидел главное: трудолюбие, благородство, честность парня. И не ошибся. Позже он скажет:

— Коля пришел ко мне в бригаду только на год, до службы. А казалось, что навсегда. Он не был временным... Бывает ведь, что человек работает с тобой десятками лет, а кажется — вот-вот уйдет. И не уходит, и не работает. И не остается.

Расскажет мастер железнодорожного перегона Талька — Верхи И. М. Верещако:

— Коля пикогда не подпускал к тяжелой работе того, кто был слабее его физически... Он изменил наши обеденные перерывы: отучил некоторых хлопцев резаться в карты. Карты он подменил рассказами о разведчиках. Книжки «глотал» по ночам... Он, — скажет Верещако, — красиво работал. Красиво!

Как видим, у Чепика представления о долге и в конечном счете о достоинстве рабочего человека были, несмотря на молодость, вполне зрелыми, сложившимися...

Мастеру Верещако, как и другим в бригаде, на участке, очень понравился старательный, приветливый паренек.

В канун дня рождения Николая Иван Ми-

хайлович занялся поиском сувенира. Но что подарить? Что купить?

Мастера осенило: сделать подарок своими руками. Тогда это и будет — от всей души. Каждый вечер в течение недели, вернувшись с работы, Иван Михайлович брался за дело: мастерил из дерева подсвечник. Успел, сделал, подарил... Сегодня фигурный подсвечник — подарок, находится в музее Николая Чепика. Он рядом с его афганской чашкой. Ее привезли друзья Коли...

И. М. Верещако вспомнит: Коля вслух читал стихи. Нередко в обеденный перерыв. Были такие стихи, что нравились, наверное, только ему одному. А были — Якуба Коласа, Сергея Есенина, — которые нравились большинству.

И было одно, которое нравилось всем:

...В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.

И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатались глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

И. М. Верещако вспомнит: Коля читал, и в его глазах стояли слезы...

Николай Чепик провел с путейцами Минской железной дороги всего год. Вместе они

делали негромкое, незаметное, но необходимое стране дело: поезда должны идти без сбоев. Они и шли. И идут...

...Одни говорили: Коля был похож на маму.

Другие качали головами: на отца!

Ну что ж, наверное, были правы и те и другие — Коля был сыном своих родителей. Но внешне в нем было, конечно, больше от отца: высокий, степенный, сильный. А от Татьяны Петровны — деликатность, о которой говорили все, белорусская мягкость, благородная скромность и доброта.

Такой счастливый сплав.

Важное ли это условие — унаследовать родительские качества? Важнейшее! Но, мне кажется, есть и другое условие — тоже важнейшее: опыт, нравственный пример родительского образа жизни, мировоззрение. И вот здесь, судя по всему, Коля тоже взял все сполна. В первую очередь родительское трудолюбие, честностное, ответственное бытование, отношение к делу, земле, людям, наконец, к детям — Коле и его сестрам Вале и Ане.

Узнавая о его делах, поступках, работе, приходишь к важному выводу: он не ждал своего часа, своего дня, своего первого числа и своего понедельника, как ждут многие.

Он постоянно жил делом, и как любой де-

ительный человек, делал его здесь и сейчас, а не потом и не когда-нибудь.

Он, как и другие, похожие на него люди, не забывал о конкретном времени, в которое жил, — не забегал наперед и не пребывал в прошлом.

Он подсознательно понимал, ощущал, что жизнь — даже обычная, нормальная жизнь — это испытание для человека. Понимал, что находится в центре этих испытаний. Знал: они уже идут! Многим кажется, что они впереди, а они всегда с нами.

Я уже писал о том, что нам всегда было и всегда будет важно осмыслить те пути, по которым человек приходит к собственным решениям, под влиянием каких примеров и обстоятельств совершает поступки, да и просто живет. Всегда было важным, и сегодня особенно, найти ответы на вопросы, почему один человек работает за троих, а другой не желает работать вообще. Почему один взрослеет в двадцать лет, а другой и в сорок как блаженный. Почему один бросается на помощь, на выручку, а другой бросается в сторону. Кажется, вопросы разные. А они близки. Это один вопрос — о нравственной сущности человека.

Коля вырослел, работая.

К тому времени, когда пришел срок надеть солдатскую шинель, он уже многое умел, он был во многом самостоятельным человеком.

Он мог управлять тяжелым трактором. Мог ремонтировать железнодорожный путь. Мог петь со сцены, мог колоть дрова. Мог косить сено. Мог починить радиоаппаратуру. Мог приготовить еду. Мог мгновенно запрячь лошадь. Он мог постоять за себя, был надежным, основательным мужчиной. В свои 18 лет.

Глубочайше заблуждается тот, кто полагает, будто для жизни, достойной человека, жизни, обещающей героическую судьбу, вполне достаточно сильного, пусть даже — сильнейшего! — порыва, желания, устремления. Увы! Ничего не делается и не совершается только потому, что ты этого пожелал. Ничего! Дистанция между мечтаниями о свершениях и свершениями — огромна...

Что сказать о рабочем человеке Николае Чепике? Ни по стажу, ни по возрасту он не был кадровым рабочим. Но по своей внутренней сущности, по отношению к делу он был именно им — рабочим, которого называют кадровым.

Не сложись его судьба иначе — он мог бы стать одним из лучших путейцев. Честный, толковый, обстоятельный и болеющий за общее дело рабочий — разве этого мало?

...Они прощались тепло, и память сохранила те минуты.

— Ее заберешь с собой? — спросил бригадир, кивая на собаку.

— Если бы можно было — забрал, — сказал Коля и провел ладонью по шерсти собаки, которая ходила с ним вдоль полотна и в снег и в дождь. — Да нельзя.

— Оставишь дома?

— Дома есть, — сказал Коля. — Оставлю, Иван Иванович, вам. На ваше попечение.

Пес терся о ноги Коли, а Коля говорил: «Проверим: забудешь меня или нет».

ПЕРЕД БОЕМ

Видимо, в военном деле нет ничего более сложного, чем бой в горах. В горах провел свой бой и Чепик.

В чем тут главная сложность?

Камень вполне может выглядеть как человек, а хорошо замаскировавшийся человек может выглядеть как настоящий камень. Шум воды, гул и завывание ветра в ущельях, осыпи гальки под копытами диких коз — все здесь заглушает, затушевывает, смазывает звуки врага, и ты не знаешь, откуда он к тебе подбирается. Конечно, есть люди, умеющие распознавать и самые слабые звуки, которые вызывает в горах пере-

Движение человека, обладающие еще и натренированным, зорким взглядом: даже в самых густых зарослях, даже в сложнейшей сети расщелин такой человек видит оружейный прицел, безошибочно определяет расстояние до него и в следующее мгновение, как правило, бьет, так как тот, кто находится в засаде, тоже прекрасно видит и чувствует момент, в который оказывается обнаруженным. Теперь уже решает скорость стрельбы, быстрота реакции — ты первый или он первый. Но и через некоторое время после перестрелки ты еще не можешь быть уверенным в том, что враг обезврежен, — это ведь не на гладком поле, не в долине, где все как на ладони. В горах и до выстрела, и после выстрела нельзя быть беспечным. И после боя ты должен находиться в полной, неослабевающей готовности повторить сражение, принять новый бой.

Некоторые фрагменты этих уроков я видел вблизи — в афганской пехотной дивизии. Тогда же один из солдат — Фезмохаммед Фазил Ахмед, герой боя за мост Зурмат, — рассказывал мне о других особенностях боевых действий в горах. Я точно помнил то место, рассказал он, где убил двух наемников. Вернулся сюда через 20 минут. Вижу: два серо-зеленых валуна, три дерева и окровавленная смятая трава. Но убитых на траве не было. Не было! Они исчезли.

Он вспомнил, как один его товарищ, вертолетчик, рассказал ему подобную историю. Пролетая над горными тропами в самых глухих местах, он несколько раз замечал вооруженных душманов и обстреливал их. Дважды удалось уничтожить врагов, причем в очень удаленных друг от друга местах.

— Я своими глазами видел, — поделился потом вертолетчик с Фазилом, — как они падали замертво на тропу, один раз двое, в другой раз трое, и вокруг при этом не было ни души, ведь тропы с высоты хорошо просматриваются. Но стоило мне сделать новый круг, развернуться, так сказать, для верности, как убитые исчезали бесследно — на тропе не оказывалось ни трупов, ни их оружия.

— Такие душманы завели порядки, — сказал Фазил. — Причина ясна: не хотят, чтобы в руки солдат Народно-революционной армии попадало оружие, произведенное в США, ФРГ. Не хотят компрометировать союзников. Трупы наемников — тоже компрометация.

Рассказываю об этом, чтобы объяснить другую особенность боев на афганской земле: на месте сражения враг появляется дважды — даже при поражении...

В таких условиях группа Николая Чепика и вынуждена была принять навязанный душманами бой...

БУДНИ

(ПОИСК ОТВЕТОВ)

Служба в рядах Советской Армии — последний период жизни Чепика. Последний и самый активный. Он прошел ее, по существу, полностью. До дембеля, как говорят солдаты, оставалось всего два месяца. Армейская жизнь от гражданской отличается многим, но порядком прежде всего. Порядком во всем.

Тот, кто привык к вольнице в ее худших проявлениях — необязательности, расхлябанности, безделью, — получает в армии, как правило, пожизненный урок. Тот, кто и до службы был человеком дисциплины, порядка и лада, —

развивает и закрепляет то, что в нём есть, что было.

Николай Чепик принял новый порядок как должное. Не все у него получалось сразу — ясно. Об этом говорят и его сослуживцы. Не все получалось и позже — факт. Но ни один промах не повторялся дважды — вот что важно.

В армии молодой человек учится не только в ногу маршировать, наводить переправы, устанавливать радиосвязь, водить танки, чистить оружие, стрелять из него и так далее — не только. Он учится еще и человеческим взаимоотношениям. И Чепик учился этому.

В армии он узнал многое. В армии он узнал новый уровень ответственности, который можно узнать только в армии.

В армии он почувствовал возможности человека — его силу, его власть над собой, над техникой, над ситуациями.

В армии он приобрел навыки, которые не только украшают мужчину, но и необходимы ему.

В армии он узнал крепость дружбы, которая возникает между людьми, еще вчера не знавшими друг друга.

«...Гвардии старший сержант Н. Чепик с первых дней службы в подразделении зарекомендовал себя честным и добросовестным воином, настоящим командиром. В короткий

срок стал отличным десантником, мастером своей специальности...»

«...Снискал уважение и любовь товарищей своей скромностью, трудолюбием, готовностью помочь в трудную минуту, отзывчивостью и смелостью. Командование подразделения и части неоднократно отмечало его трудолюбие, воинское мастерство, безукоризненное отношение к своим обязанностям, гвардейскую выучку, всегда ставило в пример всему личному составу...»

«...С особой силой проявились высокие морально-боевые качества гвардии старшего сержанта Чепика Н. П. при выполнении интернационального долга».

Армейские характеристики в своей основе мало отличались одна от другой. О солдате в них только хорошее. То же в письмах. Строки, написанные командиром взвода старшим лейтенантом Павлом Агафоновым: «Взвод наш постоянно занимал первое место в роте. Николай Чепик пришел к нам из учебного подразделения. Вскоре стал отличником боевой и политической подготовки... Его старательность, добросовестность и увлеченность были видны всем. Почти год он был моим заместителем, помогал мне во всем. Лучшего заместителя я не желал...»

Итак, и характеристики, и частные, так сказать, оценки солдата совпадали. Совпадало

все: то, каким он был на самом деле, и то, что о нем писали и говорили. Вряд ли стоило это подчеркивать особо, если бы так было всегда — вернее, со всеми. Здесь — никаких натяжек.

Уже в первый год службы вместе с опытными саперами Николай обезвреживал бомбы и снаряды, оставшиеся со времен войны. А потом ему довелось обезвреживать снаряды на афганской земле. Душманы устанавливали их повсюду — на дорогах, на тропах, в домах, даже в больницах.

Откуда бралось столько взрывчатки?

В предгорьях Гиндукуша на одной из троп был замечен обычный караван из 17 верблюдов. Караван шел от пакистанской границы. В дозоре был солдат афганской пехотной дивизии Азис Абдула. Основным занятием Азиса в последнее время было обезоруживание караванов. Вот и на этот раз, определив по особым, известным ему приметам «характер» каравана, Азис выпустил автоматную очередь. Он стрелял в верблюда, идущего посередине каравана. Через мгновение ущелье потряс чудовищный взрыв: караван сдетонировал! Семнадцать верблюдов, груженных замаскированной взрывчаткой последних марок, взорвались одновременно.

Такие караваны тянулись по многим другим тропам — вот откуда взрывчатка,

Бывший сослуживец и один из командиров Николая Чепика, офицер Василий Крачко, рассказал мне: в то время, о котором идет речь, чуть ли не каждый день в их часть обращались афганские товарищи. Просьба одна: обезвредить от мин дорогу, участок земли у дома, сам дом. «Мы, — сказал офицер, — выполняли эти просьбы без промедления. Во всех операциях участвовал и Николай Чепик». «За свой честный солдатский труд он не раз поощрялся командованием части. Он обладал повышенным чувством долга», — строки из письма старшего лейтенанта П. Агафонова.

Ничто, наверное, не ускоряет взросление человека с такой стремительностью, как смерть, оказавшаяся рядом. Конечно, смертельно опасные моменты — худшее, что есть в нашей жизни, но мы им обязаны многим — и остротой зрения, и крепостью духа, и осознанием своего «я».

У саперов раскачка короткая. Ощущение страха, чувство опасности, известные, в сущности, каждому человеку, у людей военных вытесняются и подавляются другим, главным понятием: надо. В этом смысле Николай стал военным человеком очень быстро. К саперному, если можно так выразиться, периоду службы относится такой эпизод. Их воинская часть следовала к месту дислокации на боевых средствах, а саперы, в том числе Чепик, — на

«газике». Николай, как командир взвода, сидел в кабине. Смеркалось. Наступало время душманов. И вдруг всматривающийся в сумерки Николай увидел: из-за дувала в водителя головной машины целится снайпер-душман. Чепик сориентировался мгновенно: его выстрел опередил выстрел душмана на долю секунды.

Через 300 метров — новый замаскировавшийся снайпер. И история повторилась — Чепик чудом заметил и этого. И снова опередил. Засада, которая затевалась наемниками по всей дороге, была расстроена, парализована.

Сослуживец Николая Вадим Ким обнял его, сказал: «Герой! Хотя и не знаю, каким бывает герой!»

Николай отшутился. А когда узнал о решении командования части представить его к награде орденом Красной Звезды — был потрясен. Искренне недоумевал — за что?

Обстановка — боевая. Действие — боевое. И результат — боевой. Когда же вчерашний школьник, вчерашний начинающий рабочий, вчерашний призывник стал тем, кем он стал? Как ему это удалось — стать тем, кем он стал?

Кто помог?

Все! Но и он сам. Во многом он помог себе сам. Человек обязан помогать себе сам. И если он не желает себе самому помочь —

ему не поможет никто. Хоть призови всех. В судьбе Николая Чепика этот момент мне представляется важнейшим. Как, впрочем, и в любой другой судьбе — великой, обычной, ничтожной.

Армейская служба Николая складывалась отлично: курсант инженерно-саперной роты, командир саперного отделения, заместитель командира десантного взвода.

Мечта сбылась: он не просто сапер, он — десантник!

В его записной книжке-блокноте в зеленой полевой планшетке с металлическим кольцом в уголке тут же появился «десантный фольклор» (свой «фольклор» есть у любого вида войск).

Понимаю, понравиться он может не всем. Но, во-первых, нет вещей, которые бы понравились всем, — всегда есть тот, кому не понравится. А во-вторых, я говорю о том, что понравится двадцатилетним, — «фольклорные» записи можно найти у многих. «Не те» слова, «не те» танцы, как и «не те» мелодии — никогда не были истинным лицом поколения. Как, впрочем, и «те». Лицом нового поколения, как и любого времени, были и останутся дела, свершения. А не фольклор, не слова. И все же здесь, в этом рассказе о короткой жизни двадцатилетнего, я хочу раскрыть странички его блокнота для всех. Мне, человеку почти на

три десятка лет старше его, трудно, конечно, точно, безошибочно трактовать этот выбор. Я лишь пытаюсь приблизиться, понять, почувствовать внутренний мир солдата, его ощущения, мысли. Вполне возможно, думаю я, что, не найдя собственных слов, он взял эти. Вот запись: «Воздушный десантник 3 секунды — бог, 2 минуты — орел, остальное время — лошадь». По-моему, точнее не скажешь. На плечи десантника выпадают огромные нагрузки — достаточно посмотреть телепрограмму «Служу Советскому Союзу!». И все ради 3 секунд! Но почему из многих других подобных изречений он выбрал это? Или вот это: «Во время боевого прыжка небо, как женщина, превращает мальчишку в мужчину». Еще записи: «Когда бог раздавал людям покой, десантники были на маневрах». «Настоящий десантник характеризуется четырьмя качествами: горячее сердце, холодный ум, сильные руки, чистая любовь». Еще одно: «Священный закон ВДВ: если смерть смотрит в глаза твоего друга, возьми этот взгляд на себя». Мне представляется, что запись о «взгляде смерти» не только предельно точна, но и по самому высокому счету благородна. И если вспомнить об обстоятельствах последнего боя Николая Чеписка — увидишь: он поступил именно так: «перехватил взгляд смерти», направленный на друзей.

Вот ведь как обернулось дело...

Николаю нравилась служба: все, с кем он служил, говорят об этом совершенно определенно. Об этом же писал и он сам — и родным и друзьям. Нравилась!

Бывший сослуживец Николая Саша Цехановский помнит: Чепику и ему поручили хорошо протопить палатку: задание не такое уж сложное. Скорее легкое. Но в обычных условиях. А в тех, в которых они находились, — труднее не придумаешь. Всю осень шли дожди — за сентябрь солнце показалось всего два раза. Дожди были холодные, обложные, особенно они донимали по ночам. Все отсырело, пропиталось плесенью. Самые частые вопросы крутились вокруг костров, растопки печек, сушки дров: как зажечь бревно? как устроить тягу? в каком порядке, по какой схеме укладывать мокрые и просушенные поленья? с какой стороны подкладывать бумагу? как быть — если ураганный ветер?

И так далее.

Многие этого не знали. Большинство, особенно городские ребята, не имели понятия. А Николай Чепик знал и умел. Он делал это легко и быстро. Научился в детстве — в ночном, когда сторожил лошадей, на опушке леса, когда играл с друзьями — Колей Андроником, Сережей и Мишей Макеями, Витей Паромчиком — в партизан и обогревал собственноручно вырытые землянки.

Забыть не успел: детство было рядом — только оглянись. Вот и теперь, в армии, был на высоте — многие стремились попасть в ряд с Чепиком. Знали: любое задание ему по плечу — краснеть не придется. Он брался за любую работу основательно и азартно. Любил помочь тому, кто не умеет. Любил дело!

Саша Цехановский помнит: в ту самую дождливую и холодную ночь, когда им было поручено натопить палатку для офицерского совещания, они с заданием справились хорошо — даже получили благодарность. Коля, когда его благодарили за подобные вещи, терялся. За это его многие любили. По тому, как человек воспринимает благодарности, награды, поощрения, многое видно. Многое в человеке становится понятным.

Возвращаемся к тому, что представляется в жизни Коли главным: ее нормальности. Ведь то, каким он был, что умел, и было, в сущности, нормой. Это должен уметь каждый. Умение трудиться и есть нормальность. Доброжелательность и есть нормальность. Чувство долга, дружелюбие, открытость, чистота — все это есть нормальность, а не что-то особенное. Только тогда она — эта норма, нормальность и становится надежным и прочным человеческим качеством, фундаментом, на который и опираются самые высокие поступки и свершения личности.

Личностные качества, умение и трудолюбие Николая не возвышали его над другими — они говорили лишь о том, что кто-то не дотягивает до нормы, кто-то не так начал жизнь. С этого момента — момента, когда проявляется индивидуальность Николая, — он, как все, но умеет больше, знает глубже, долг представляет яснее — и начинается, в сущности, понимание того, что предопределило его готовность к подвигу, его способность пойти на него и в конечном счете совершить.

Повторю: в этих простых понятиях — «умеет», «знает», «поможет», «любит» — зарождается все, в том числе и готовность к благородному поступку, к подвигу. В «не умеет», «не знает», «не любит» не зародится ничего. Чудесных преобразований, как и чудес, в жизни не бывает.

В письмах Николая к родным была одна фраза, которая повторялась наиболее часто. Точнее говоря, она была почти в каждом письме. Коля писал: «Служба, как всегда, идет нормально».

Офицер В. Крачко скажет:

— Все, кто знал Николая, будут говорить хорошие слова.

Одно время, когда Чефик еще только начинал службу, они оказались рядом — в лагере учебного центра. К Крачко приехала погостить жена. Стояли хорошие летние дни,

светило солнце, шли короткие теплые дожди. Но человек умудряется простудиться и под жарким черноморским солнцем — что же говорить о европейской части страны? И жена Крачко простудилась.

Николай узнал об этом случайно.

Однажды, столкнувшись на плацу с Крачко, молодой солдат бесхитростно и просто сказал:

— Хороший у нас тут лес — возле моего дома в деревне такой же.

— Хороший лес, — согласился озабоченный своими делами Крачко, — ну и что?

— Значит, в нем есть малина, — сказал солдат.

— Возможно, — проговорил офицер. — А возможно, и нет.

И шагнул к штабу.

— Я знаю точно — в нем малина! — шагнул рядом Чепик. — Могу проверить!

— Проверь, — разрешил офицер.

«Надо же как-то было закончить неожиданный разговор», — скажет потом Крачко.

Чепик нашел подходящую сумку и ушел в близкий лесок.

Через полчаса вернулся: глаза сияют, на гимнастерке — малиновая пыльца, брюки в колбочках.

Разыскал Крачко.

— Я ж говорил!

— Была? — спросил офицер.

— Вся опушка и даже дальше — сплошная малина! — сказал Чепик.

— Наелся?

Солдат опешил:

— Наелся? Так я ж не есть ходил!

— А зачем ты ходил — посмотреть?

— Ваша жена здесь? — вопросом на вопрос ответил Николай.

— Ну, здесь, — поднял брови Крачко.

— Она простудилась? — спросил Чепик.

— Ну, простудилась.

— У нас в деревне, — сказал Чепик, — считается: один стакан малины при простуде заменяет два килограмма самых лучших лекарств. Вот я для нее и собрал малины.

Пришла пора опешить офицеру.

— Нате! — И Коля протянул Василию Крачко сумку с душистой, сочной, матово-красной малиной. — Пусть поправляется, — сказал просто.

— Спасибо, — сказал Крачко. — Вот обрадуется...

— Таким он был, — скажет впоследствии офицер. — Славным и приветливым. — И, не найдя более современного слова, добавит: — Милосердным... Это чувствовали многие. Особенно в трудных ситуациях... — И повторит: — Был милосердным.

А я подумая: «Такое уж ли старомодное это слово?»

Размышляя о тех или иных мотивах человеческого поведения, о природе человеческого мужества и душевной крепости, невольно приходишь к выводу: мужество выплавляется из других нравственных качеств человека, таких, как благородство, сознательность, воля и... милосердие. Да, милосердие, ибо и в наш рациональный век способность сопереживать чужому горю, чужим трудностям есть обязательная черта подлинно благородного человека. Мужество, видимо, не может появиться в человеческом сердце не только сразу, внезапно, но и из ничего — из ничего и сразу не появляется ничего. Мужество обретается не в миг подвига, его нельзя найти на своем пути, как слиток золота. Оно не может возникнуть само по себе, как некое автономное, исключительное, ни с чем не связанное качество, определяющее наши намерения, поведение и поступки. Если что-то подобное и возможно, то речь скорее всего идет о силе. Всего лишь о силе! А сила не всегда благо — сила бывает и дикой. Речь, повторяю, о мужестве. То есть о благородной силе...

Известно: наибольшее число писем родители получают от своих сыновей в первые месяцы службы. Потом — поменьше. А затем многие перестают писать вообще: обрастают по-

выми друзьями, приятелями; чувство оторванности от дома, родных притупляется, новый образ жизни становится привычным, а прежний отодвигается в прошлое, как детство. И только перед самым возвращением у солдата снова обостряется тоска и по родному дому, и по прежним друзьям. И письма снова идут одно за другим.

Как было у Николая? В общем-то, так же. Но «зоны долгого молчания», при которой отец и мать не находят себе места месяцами, не было.

Снова возвращаюсь мысленно к тому дню и тем минутам, когда сидел в новом доме Чепиков и знакомился с его письмами — читал их, а Татьяна Петровна перечитывала. Когда она разбирала их, смешивала, сдерживая слезы, и взъерошивала, как когда-то чуб Коли.

«Здравствуйте, дорогие мама, папа, Анька, Валя и маленький Сережа!» Так начиналось любое письмо: он обращался и к маленькому Сереже — племянник родился вскоре после призыва Коли в армию. Сережа был не просто маленьким, а крошечным. Но когда-нибудь он сможет прочесть строки, обращенные к нему лично и, может быть, впервые, благодаря именно этим письмам, этому обращению к нему, новорожденному, ощутит, как мгновенно, как стремительно время человеческой жизни.

В письмах Коля интересовался делами

каждого. Особые вопросы он задавал отцу, Петру Антоновичу: «На чем и где ты сейчас работаешь? Какой трактор?» Особые — маме, Татьяне Петровне: «Как ты себя чувствуешь? Как там моя Пивоня — молоко дает? Сена хватает?»

Каждое письмо — если говорить об одной, общей для всех особенности — заканчивалось пожеланием успехов и здоровья и наказом, просьбой, обращением к матери: «За меня не беспокойся, не волнуйся, не переживай».

Как будто мать — любая мать — может не беспокоиться, не волноваться, не переживать за сына.

Впрочем, в двадцать лет это еще кажется вполне возможным — достаточно об этом попросить.

В связи с этим совершенно отчетливо представляю себе один вечер, словно мне о нем не рассказали, а увидел его сам. Коля только вернулся домой после первой солидной отлучки — десять дней он был на сборах в клубе ДОСААФ. (В это время он уже работал на железной дороге.)

Поели, а затем отец и он вышли за калитку и уселись на скамью, глубоко вколотую в землю у забора. Отец не торопясь раскурил папиросу, а Коля не рискнул, хотя к тому времени уже покуривал, и отец это замечал и обещал большие неприятности. По-

молчав, поглядев по сторонам, они приступили к разговору, который протекал, как и любой разговор между ними, ровно и в согласии. Этот, судя по воспоминаниям, протекал примерно так.

— Понравилось? — спросил Петр Антонович.

— Да.

— Было трудно?

— Нет.

— А как было?

— Интересно.

— А что было самым интересным?

— Прыжки.

— Какие прыжки? Через веревочку, что ли?

— Примерно.

— А точнее?

— С парашютом. С самолета.

— Ты? С парашютом? С самолета?

— Я. Ну, конечно, не только я. И другие.

— И деревенские?

— А как же? Чем городской от меня отличается?

— Ну, я не знаю... Может, смышленей?

— А хоть смышленей, что ж, он с парашютом в городе не расстается? Из самолета не вылезит?

— Нет, конечно.

— Так-то.

— И сколько ж ты раз прыгнул?
— Три раза.
— Вот что значит на десять дней уехать из дому.

— А чем плохо?
— Хорошо! Но опасно.
— Только кажется. Нас ведь несколько дней обучали: что и как делать, как парашютом управлять, как приземляться, как держать ноги, работать корпусом. Теперь я это знаю. В армии пригодится.

— Молодец.
— Ну, может, это...
— Что?
— Матери пока не буду рассказывать? Может, потом? Ты же ее знаешь.
— Может, и не рассказывать. Зачем? Съездил — вернулся.
— Договорились.

Такой был у них разговор — разговор отца и сына. Опускались легкие голубовато-серые белорусские сумерки, над близкой лесной опушкой пролетали редкие яркие светлячки, лаяли собаки, вдали стучал трактор.

Вот с какого времени это у него пошло: шадить сердце матери, защищать от волнений, просить: «...не беспокойся, не волнуйся, не переживай». Тогда он эти слова говорил, потом — писал. Писал, повторю, в каждом письме.

В письмах Коля очень редко обращался

с какими-то просьбами. Но — были. Вот письмо, начинающееся с просьбы: «Дорогая мама, если сможешь, пришли мне белый подворотничок — поплотнее».

Татьяна Петровна вспомнит: перевернула все — белая материя, конечно была, но мягкая, тоненькая, а ему ж поплотней, вроде целлулоидной... я ж знаю...

В то время она работала на молокоферме, вспомнила: туда завозили что-то подобное, кажется, для подойников. Можно вырезать, выкроить подворотничок.

Пришла к заведующей — так и так, сынок из армии просит.

Кто откажет?!

Сделала, выкроила, собрала к подворотничкам посылочку — конфеты, носки, печенье. Написала: «Сынок, твою просьбу выполняю, но не знаю, подойдет тебе это или нет. Мне говорят, что подойдет, — и плотная и белая».

Эту посылку Коля уже не получил.

Письма, не предназначенные для публикации, письма, идущие к родным, письма, написанные по велению сердца, — документы большой силы. Даже самые простые из них, ровные, обычные, вернее, обыденные, могут сказать о человеке больше, чем подробные — чаще всего субъективные — воспоминания людей, знавших его в те или иные моменты жизни. Люди ведь характеризуют, как правило,

действия человека, а письма — его существование.

Печально, если письма становятся наследством двадцатилетнего. Но мы, старающиеся понять чероя, проследить за его духовным взрослением, его восприятием жизни, людей, времени и собственной, набирающей силу судьбы, благодарны и за это наследство.

В конце концов они, эти письма, эти собственноручно написанные строки, есть последнее и единственное, что написано человеком о себе самом. Единственное. И самое достоверное. И в контексте того, что мы о нем знаем сегодня, — самое чистое и трагическое. Но, наверное, так бывает всегда: даже самые обычные слова человека, жизнь которого обрывается внезапно, обретают особый смысл, особое звучание...

Простые слова молодого солдата: «Вырыть эту траншею нужно было обязательно, и хотя мне казалось — не могу от усталости даже стоять, — я стал ее рыть и вырыл» — воспринимаются нами не как слова о рытье траншеи, а как свидетельство крепкого характера, воли. Слова: «Я понимал, что лучше прыгать первым, не ожидая, пока появится страх, и когда люк открылся и я увидел тьму и услышал рев ветра, я все равно хотел прыгать первым» — воспринимаются как простая, но важная программа — программа жизни. «Не мог

стоять и смотреть, как им там доставалось, на том берегу, а мы оставались в безопасности, укрытые ветками, и не двигались, хотя, как мне кажется, могли бы уже броситься вперед и даже были должны» — слова эти, написанные по случаю, после обычного учения, становятся словами, всем своим смыслом, настроем и тональностью смыкающимися с существом последующего подвига.

Лишь разный масштаб! Лишь разный, непохожий результат.

Пророчеством выглядит запись Коли Чепика в зеленом фольклорном блокноте: «Девушка ждать будет один день, а мама — вечно».

В Марьиной Горке так и случилось.

Но пророчество пророчеством, а служба службой. Она шла! И приближалось время демобилизации. «Подготавливайте мой костюм, осталось чуть-чуть... если найдутся хорошие ботинки, то купите... размер тот же, какой я носил дома».

Все чаще в минуты отдыха звучала любимая песня Коли, с особым усердием — каллиграфически! — переписанная в заветный блокнот:

По утрам над сторонкой
встает тишина,
По утрам так прекрасен
холодный рассвет,
Долгожданно и тихо
приходит весна,

Не найти мне в снегах твой
подтаявший след.
Я солдат, но мне эта судьба
не навек,
Я вернусь по знакомой
тропинке домой,
Встретит мать и отец,
побелевший как снег.
Но не будет обещанной встречи
с тобой...

Служба приближалась к концу, к финалу. Но вряд ли она становилась легче. Привычнее — да, но не легче. День был наполнен огромным количеством дел.

Он понимал главное: если ты призван служить — служи как следует, не отлынивай. Учись всему, овладевай всем, познавай все. То, что тебе удастся приобрести за время службы, — нужно не только тебе. Твое новое умение, твоя закалка, твоя новая сила могут понадобиться и другим, могут понадобиться всем, могут понадобиться Родине — жизнь есть жизнь. Сегодня мир, а завтра — бой.

В этом деле не может быть никаких гарантий. Родина может дать тебе все. Но она не может гарантировать того, что не призовет тебя завтра защищать ее границы, встать на ее защиту перед лицом смертельной угрозы.

Таков мир, в котором мы живем.

Да он понимал, воспринимал свою службу именно так — все говорит за это.

Нельзя забывать и другого: служба Николая Черика и тех, кто был рядом с ним, не была похожа на службу его ровесников в Московском, например, или Забайкальском военном округе. Ни в коем случае не хочу сказать, что в этих или других районах страны солдатам служится легко и просто. Вовсе нет — служба везде служба. Но было, конечно, и принципиальное отличие: психологические нагрузки. Они — у молодого солдата, проходящего службу в родной стране, и у того, кто служит за ее границами, — разные. Тем более в стране, ведущей жестокую борьбу со злейшим врагом — контрреволюцией и международным империалистическим отребьем. Подобная обстановка оказывает влияние даже на взрослого, зрелого человека. Что же говорить о юных?

Близость реальных сражений, смертельных схваток, сама атмосфера, в которой по всей стране, населенной разноплеменным народом, в борьбе, крови и неистребимой вере утверждается новая эра, не могли не определять характер службы Николая Черика и его друзей.

Как и тех, кто пришел им на смену сегодня.

Двадцатилетние! Я думаю о них, несущих суровую солдатскую службу... Мир, при котором мы сегодня живем и работаем, сохраняется — повторю это снова — наряду со многим другим и усилиями двадцатилетних ровесников Николая Черика. А граница мира — как ли-

ния фронта. И линия эта проходит через все континенты Земли, в том числе и через ущелья и долины Афганистана. И здесь, в этих долинах и ущельях, как и в других местах земного шара, где народ поднялся на революционную, классовую борьбу, отстаивается, защищается не просто мир, но мир социальной справедливости, мир, при котором не было бы войн и самой их угрозы, — мир социализма. Социализм, против которого ведется ожесточенная, открытая борьба исторически обреченным, но сильным врагом — империализмом. Мир, который в этом противоборстве вдали от родной земли и защищает советский солдат-интернационалист. Участвуя в этом сражении на стороне братского народа, он защищает и свой собственный народ, свою собственную социалистическую Родину — социализм. Наступает момент, и рядовой представитель своего поколения — в данном случае Николай Чепик, а мог бы быть и кто-то другой — показывает, на что он способен. Выполняя долг, он совершает подвиг.

А рядом с ним в те же дни в том же Афганистане его сверстник, двадцатилетний революционер Фарид Маздак, пройдя — в 20 лет! — через тюрьму Пули-Чархи, через подполье, пытки аминовцев, вел сражение с душманами, преследуя их в норах, забитых американским оружием, — я не раз видел Фариду в деле. Сегодня он, Фарид Маздак, — пер-

вый секретарь ЦК Демократической организации молодежи Афганистана (ДОМА).

А рядом...

Можно написать тысячу раз «а рядом». И тысячу раз рассказать о подвигах и делах сегодняшних двадцатилетних — и в труде и в ратных делах.

Можно. Но вот жизнь обрывается. Обрывается в двадцать лет. Обрывается в миг подвига... Обрывается, и мы видим: она была мгновенной, но миг боя, миг подвига продлил ее навечно...

БОЙ

Душманы напали на рассвете, и бой протекал в синей утренней мгле. Каменный заснеженный гребень был последней передовой Николая Чепика. На то, чтобы принять решение, он затратил не больше секунды — это сегодня можно утверждать с полной определенностью. Он видел, как большая группа душманов уже приближалась к ним со всех сторон, живое кольцо сжималось все плотней, и вот уже одна, а затем вторая пуля пробили его ноги, пули свистели над головами его друзей, солдат, соотечественников, а за солдатами, дальше, находились обречен-

ные, беззащитные перед наемниками жители крошечного, забытого мусульманским богом поселения, в котором дотлевали дуканы. И Николай принял решение: собой, своей жизнью прикрыть всех, кто находился за его спиной. Знал: погибнет и сам. Но в следующий момент оглушительный взрыв прокатился над землей, и тридцать стреляющих, орущих наемников свалились замертво, а остальные обратились в бегство...

Последним, что он мог увидеть, падая на грязный, окровавленный снег, были вершины Гиндукуша, а над ними огромное, до самой Родины, светящееся небо.

Это был тот невидимый момент, когда смерть поднимает человека над всей его жизнью.

ПАМЯТЬ

После горького потрясения мы задаем один и тот же вопрос: что оставил после себя Николай Чепик?

Он оставил после себя много. Он сохранил жизнь тем, кого защитил своею собственною жизнью, — это вершина возможного.

Он навсегда остался в памяти тех, кто его знал.

«Дорогие Татьяна Петровна и Петр Антонович! Пишут вам солдаты части, в которой служил Николай. Не каждый человек даже за очень долгую жизнь сделает столько хорошего и доброго, сколько сделал ваш сын... Он пожертвовал собою, спас жизнь многим солдатам,

он отомстил за замученных детей и честных людей Афганистана... Он всегда будет примером для нас, знавших его лично, и для других солдат, которым предстоит служить в нашей части... Он никогда не будет забыт...»

Да, он навсегда остался в памяти тех, кто его знал.

О нем узнали миллионы людей. Узнали и навсегда приняли в свои сердца — так, как принимают близкого, родного человека. Письма, которые лавиной хлынули родителям Николая после газетных публикаций, — лучшее тому подтверждение. Письма показывают, какой горячий отклик получила история короткой жизни комсомольца среди его соотечественников, людей самых разных.

Вот лишь некоторые из них:

«Уважаемые Татьяна Петровна и Петр Антонович! К вам обращается коллектив смены № 1 электроцеха Киевского производственного объединения «Химволокно». В нашей смене работает однополчанин вашего сына Николая. Он много рассказывал о подвиге Николая, а недавно мы прочитали об этом в газетах. Мы гордимся Николаем и его подвигом и очень благодарны вам за то, что вы вырастили такого сына... На общем собрании смены мы решили написать вам письмо и просить вашего разрешения на то, чтобы зачислить Николая в наш рабочий коллектив... Мы хотим на рабочем

месте оформить стенд Героя Советского Союза Николая Чепика...»

«Дорогие родители Николая! Пишет вам старшая пионервожатая из средней школы № 15 города Нижневартовска. Пионерский отряд 4-го «В» класса борется за право носить имя вашего сына... Ребята в классе славные и хорошие... Каждый из них хочет вырасти достойным человеком, отличным солдатом, защитником Родины. Напишите нам, пожалуйста, подробнее о Николае, его школьных годах, его юности — нам это очень нужно... *Ирина Крюкова*».

«Дорогие Татьяна Петровна и Петр Антонович! Яркий пример мужества вашего сына навсегда останется в наших сердцах. Младший сержант Рамазанов Н. Р. и сержант Амаатов А. Р.».

«Дорогие родители! Велико ваше горе, но его с вами разделяют миллионы советских людей, не знавших Колю, но для которых он стал сыном, братом, другом... Коля свято выполнил свой долг перед Родиной, перед товарищами. И мы гордимся им и всегда будем помнить, как мы увидели на фотографии... Велика ваша боль, но велика должна быть и ваша гордость... Низко склоняю голову перед подвигом вашего сына Николая Чепика. С уважением *Янчуж Людмила*».

«...Прочитал о подвиге вашего сына. Хочу сказать вам — спасибо. Николай отдал жизнь

за тысячи километров от дома, выполняя интернациональный долг, отдал бескорыстно. Высшее мерило доброты, мужества, коммунистического характера! Моему сыну 10 лет, но как бы я хотел, чтобы он вырос таким, как ваш Николай... Извините меня за беспокойство, но я хотел выразить вам свою любовь и признательность. Желаю вам здоровья. — *Дорохов А. И., Одесса*...

«О подвиге Николая знают теперь все. И мой четырехлетний внук Павлик — тоже. Вечная, светлая память Коле! Я хочу положить цветы к его обелиску, почтить его высокий светлый подвиг. Пусть будут прокляты все фашисты на всей Земле!

Разрешите мне разделить с вами горе и гордость за вашего замечательного сына. Целую вас. — *Охтина Эвелина Сергеевна, г. Жуковский Московской области*».

«Мы, пионеры, будем учиться, жить и работать так, чтобы быть достойными подвига вашего сына... Просим вас подробнее рассказать, как учился, жил, с кем дружил Николай...
31 подпись. — *г. Очаков, Николаевская область*».

«Уважаемые Татьяна Петровна и Петр Антонович! К вам обращается секретарь комитета ВЛКСМ гвардейской Краснознаменной имени 50-летия СССР части. Все наши комсомольцы благодарны вам, Петр Антонович и Татьяна

Петровна, за воспитание такого патриота нашей Родины, каким был ваш сын. Он вечно будет жить в наших сердцах как образец беспредельной преданности социалистическому Отечеству, верности воинскому и комсомольскому долгу, настоящей дружбы и войскового товарищества.

У нас в части воспитано шесть Героев Советского Союза. Один из них — гвардии старший сержант Луцевич Андрей Филиппович, уроженец села Зазерье вашего района, — навечно занесен в списки одного из подразделений нашей части. И сейчас, в преддверии 40-летия Победы Советского народа в Великой Отечественной войне, читая о подвигах таких молодых парней, как ваш сын, особенно явственно просматривается преемственность поколений, готовность отдать все силы, а если потребуется — и жизнь ради правого дела.

Уважаемые Петр Антонович и Татьяна Петровна! У нас в части имеется и постоянно пополняется музей боевой славы части. И хотя ваш сын не служил в нашей части, все же мы просим вас (по возможности) оказать нам содействие в том, чтобы рядом с экспонатами Героя Советского Союза 40-х годов гвардии старшего сержанта Луцевича А. Ф. находились экспонаты его земляка Героя Советского Союза 80-х годов Н. Чепика (фотографии и др.). Если сможете, то опишите, пожалуйста, по-

дробно юношеские годы Николая, его подвиг. Мы будем благодарны за любую информацию с вашей стороны. Она поможет нам более целенаправленно проводить героико-патриотическое воспитание в комсомольских организациях, воспитывать комсомольцев и несоюзную молодежь на примере жизни и деятельности вашего сына — Героя Советского Союза, гвардии старшего сержанта Николая Чепика.

Заранее вам благодарен.

С уважением

*Секретарь комитета ВЛКСМ
Сидоренко».*

«Большое материнское спасибо за вашего сына, воспитанного вами в духе честности и патриотизма. В нашей памяти он останется великим юным человеком. Только в нашей стране люди вот так, до конца, борются за светлые идеалы мира и справедливости. Ваш Коля вошел в нашу семью как родной... Приезжайте к нам в гости, мы живем на берегу Азовского моря, в Бердянске. С уважением семья *Солонских — Лариса Андреевна, медсестра, Анатолий Михайлович, майор милиции, и наши дети — Таня и Вика».*

«...Все мы, военнослужащие, проходящие службу на территории Демократической Республики Афганистан, испытываем к вам большое чувство уважения и сострадания в огром-

ном родительском горе. Ваш сын, гвардии старший сержант Чепик, является для нас образцом выполнения воинского долга, стойким комсомольцем, отдавшим все во имя Родины. Мы все перед ним в неоплатном долгу, и в наших сердцах он навечно останется верным соратником и близким товарищем. Еще раз большое спасибо!»

«...Дорогие Татьяна Петровна и Петр Антонович! Пишет вам группа курсантов Высшего военно-политического училища. Через некоторое время мы станем офицерами-политработниками и разъедемся по самым разным уголкам Советского Союза. В армии и на флоте мы будем вести политическую и пропагандистскую работу с солдатами и сержантами, воспитывать личный состав в духе верности Родине, патриотизма и интернационализма. Коммунисты и комсомольцы нашей роты собирали материалы о подвиге вашего сына, подготовили несколько бесед: начали организовывать в ленинской комнате специальный уголок. Но желание узнать побольше о своем знаменитом сверстнике велико. Оно и заставило нас обратиться к вам с этим письмом.

Нам бы очень хотелось узнать от вас, каким был Николай в детстве, в школьные годы, как учился, чем увлекался, что любил читать. Проследив основные этапы его жизни, мы хотели бы выяснить для себя, в чем истоки подвига

Николая Чепика, как шел он к своему героическому поступку».

«...У меня две дочери, но боль утраты знакома мне с юности. В 1942 году был сожжен в Бухенвальде мой старший брат. Второй погиб в Курляндском «котле». Третий подорвался на mine в 1946 году. Отец, ветеран трех войн, скончался от ран... Всем нам пенавистна война, ибо война — это потеря близких. Ваш сын погиб на чужой земле, выполняя интернациональный долг. Вы воспитали Человека с большой буквы. И в этом ваш жизненный подвиг. Я — учительница, в школе проработала 38 лет. Все мои ученики узнали о вашем сыне... С искренним уважением *Вера Ефимовна Свистельникова, г. Гродно*».

Молодой преподаватель русского языка И. Торопов из Одессы написал автору: «Я помню вашу беседу с Георгием Тимофеевичем Береговым о поступке как о высшем проявлении человеческой сущности. (Беседа была опубликована в «Комсомольской правде». — Г. Б.) Теперь, узнав о жизни и героическом поступке Николая Чепика, я вновь перечитал слова Берегового о поступке и риске, да и вообще о жизни. Важнейшие, по-моему, слова: «Нет поступка вне связи с жизнью. И поступок ради поступка, и риск ради риска нелепы. И готовность к поступку немного стоит, если нет у него духовной опоры... И поэтому, ратуя

за благородный поступок, нужно, конечно же, подчеркнуть особо: проблема поступка — это проблема воспитания жизненной активности человека, его социального мировоззрения. Это — главное». Жизнь Николая Чепика и ее героический финал — абсолютное тому подтверждение».

Николай Кораблев из Казани: «Я прочитал о Николае Чепике в «Литературной газете». Высылаю его родителям стихи, написанные в память о Коле:

Знаем мы, что ему только
двадцать,
Но, сложив всех спасенных
года,
Жизнь его не сможет
прерваться,
Он живой среди нас
навсегда...»

«Дорогие родители Николая! Вы внезапно остались без сына, а я внезапно без родителей: так сложились обстоятельства. Обе потери тяжелы. Даже невыносимо тяжелы. Но жить надо. Как же иначе? Начинаешь искать: на что опереться. Начинаешь — после первого потрясения — думать, сомневаться, размышлять. Знаю по себе — найти опору трудно. Я, например, перебрала много вариантов: уезжала из родных мест — все напоминало о родных. Искала работу — более трудную, которая бы изматывала до изнурения. Вот в каких вещах

я искала спасения, хотя бы облегчения. А помощь все же пришла как и всегда — от людей. Но ко всему приходишь сам — тогда только и открываешь по-настоящему то, что известно давно и как будто всем. Всем, кроме тебя. Так вот, я открыла, что лучшая и самая надежная опора в любом испытании — это, конечно же, люди. Те, кто независимо от географии — рядом или вдали — способен проникнуться твоим горем, почувствовать твою боль. Другой такой опоры в жизни нет. Я прочитала в «Литгазете» очерк о вашем сыне, и меня ударило ощущение: ваше горе громадно. Но уже через несколько дней я думала: горе громадно, но люди вас не оставят с ним один на один. Я думала и о себе и о вас одновременно. Уверена — тысячи писем, подтверждающих то, что я сейчас сказала, придут к вам, и в каждом из них будут сочувствие, поддержка, понимание. А еще больше, чем писем, будет сердец, готовых отозваться на любую вашу просьбу, готовых отдать вам свое тепло, поделиться силою жить. Обнимаю вас, Татьяна Петровна и Петр Антонович. *Ялга, Вера Соболева*».

Таких писем много. Они шли и будут идти годами: так бывает всегда.

Коля Чепик стал близок миллионам.

Его образ, его имя уже зажили пной, не убывающей, а нарастающей жизнью. В шко-

лах его родного Пуховичского района оформлены уголки Героя.

Многие пионерские отряды завоевали право носить его имя.

Молодежь посадила «аллею Чепика» — я ее видел: 365 деревьев!

Известный белорусский композитор Игорь Лученок написал песню, посвященную Николаю Чепику.

И. Лученок, ректор консерватории, присел к роялю в своем кабинете, взял несколько аккордов, спел:

Не для песен, не ради славы
Вы ступили на дымные травы.
Знали парни: трудна задача,
Знали-то, что нельзя иначе.
Только верили парни твердо —
Пронесут честь солдата гордо...

— Почему вы написали эту песню? — спросил я композитора.

— Моя родина — Марьина Горка Пуховичского района. Мы с Колей земляки... Я помню его деревню, знаю все опушки, грибные места... Свои первые песни я написал там... Я не раз выступал в деревенском клубе, клуб этот стоит почти рядом с бывшим домом Коли. Коля остеклил его окна...

Но кроме землячества, — сказал композитор, — были, конечно, и другие, более веские поводы написать эту песню... Я написал

ее потому, что тема подвига, военно-патриотическая тема, близка мне... (Напомню песни композитора — «Память сердца», «Письмо из 45-го», «Если бы камни могли говорить», «Хатынь». — Г. Б.) Потому что я помню разрушенный фашистами Минск, послевоенную Блужу, голод, смерти, героизм партизан, молодых солдат. Коля Чепик — герой сегодняшних дней, но в моем сознании он прочно связан с теми, кого я помню с того времени, когда земля Белоруссии еще дымилась в пожарах, огне...

Лученок вновь дотронулся до клавиш:

Не для песен, не ради славы
Вы упали на горькие травы.
Словно нить порвалась тугая:
Журавлиная дрогнет стая,
И становится сердцу тесно —
Вы останетесь, парни, в песнях! *

Светлана Горбунова, скульптор, узнала о Николае Чепике в ЦК комсомола республики от секретаря ЦК Василия Драговца: «Поезжайте в Блужу, познакомьтесь с родителями, побывайте в музее, поговорите с его друзьями, соучениками», — посоветовал он.

— Так я решила сделать свою работу, — рассказала Светлана... — Меня поразила юность Коли — фотография была, по моему, любительская. Когда я делала рельеф, слезы накатывались на глаза — несправедливость

---

* Слова А. Легчилова.

смерти в 20 лет, трогательное лицо мальчишки и тем не менее — подвиг! — все это воздействовало на меня, управляло мною...

Сегодня мемориальная доска с барельефом Коли Чепика, выполненная Светланой Горбуновой, установлена у входа в его родную Блужскую школу.

В Белоруссии много комсомольско-молодежных коллективов, в которых Николай Чепик значится как полноправный член бригад и звеньев. Я был в минском производственном объединении «Интеграл» имени XXV съезда КПСС. Видел рабочее место героя. Именно — рабочее! — ибо оно не пустует. Сменяя друг друга, здесь трудятся члены молодежного коллектива. Рядом с портретом Николая Чепика — точные цифры производительности каждого, кто работает на этом почетном месте.

— Как закрывается наряд? — спросил я у Нины Ананич, секретаря комсомольской организации.

— Как и любому действующему работнику, — ответила девушка.

— А деньги? Как распоряжаетесь деньгами, которые таким коллективным образом зарабатываете?

— Как и все в республике, — перечисляем в Советский фонд мира.

Поразительный, в сущности, факт. Хотя в своей глубинной основе он, конечно, сродни и

другим общественным явлениям нашей жизни, таким, например, как наставничество или социалистическое соревнование. Никогда, ни в какие исторические времена, ни в одном месте мира и ни при каких политических системах подобные явления не могли бы не только возникнуть, получить широкое распространение, но и родиться. Никогда и нигде. А у нас родились и увлекли десятки миллионов людей. Ведь и то, что делают ребята из минского объединения, делают сегодня в тысячах городов, на десятках тысяч предприятий. Почин, идущий из глубины души, овладел миллионами.

И мы не удивляемся этому, считаем само собой разумеющимся. Плохо ли это? Хорошо! Плохо бы было другое — если бы подобного рода факт вызывал потрясение. А когда он как почин, как начинание становится привычным явлением жизни, тогда это хорошо. Но в своем приятии поразительности как нормы нам бы следовало время от времени вспоминать и о первичных моментах. Каких? Молодой рабочий без особых профессиональных разрядов или категорий — ведь он еще молод! — получает не такую уж большую зарплату. Скорее наоборот — получает небольшую. И тем не менее он добровольно, с энтузиазмом включается в дело, уменьшающее его реальный доход. Ради чего? Какая ему выгода? Что это ему дает?

Я не раз говорил об этом в молодежных ра-

бочих аудиториях. Не раз задавал подобные вопросы, старался услышать ответы.

Услышал: это возвышает человека, помогает стать личностью. Вот в чем дело. В моменте, к которому мы очень быстро привыкаем, заключено очень многое. В нем заключена огромная нравственная сила. Она и оказывает воздействие на миллионы молодых сердец. Помогает гражданскому возмужанию.

В память о герое вершится священное, гражданское, политическое дело. В известном смысле и после своей гибели советский солдат-интернационалист продолжает служить высшим интересам и целям людей — миру на Земле, свободе и счастьем. Его чтут и помнят! Но это не просто символическая память и не просто почетное место, отведенное герою в нашей духовной жизни. Это действующая, жизнеутверждающая, активная память. Память молодого поколения о своем ровеснике — ровеснике-герое, поставленном Отчиной в один ряд с лучшими ее сыновьями и дочерями.

Я разговаривал со многими молодыми рабочими объединения. Слушал их размышления о жизни Николая, о своей работе, о себе. Здесь, рядом с портретом Героя Советского Союза Николая Чепака, никто не стеснялся громких слов о трудовом и воинском подвиге, о долге и счастье быть полезным. Чепака незримо присутствовал во всех размышлениях. Его образ, жизнь,

о которой они знают, в сущности, все, постоянно служили им опорой, примером, нравственным компасом. И потому они были так похожи — ровесники, современники, соратники. И особо подчеркну — патриоты!

Хочу повторить то, о чем уже говорил однажды: нельзя любить свою страну вообще и нельзя самоотверженно трудиться, не видя главной цели. Но если ты способен любить свой конкретный город, поселок, село — среди тайги, в центре страны или на краю света, свой завод, свой дом, свою улицу и тех, кто на ней живет, и если ты понимаешь, что все это — живая частица твоего государства, а эта твоя любовь и это понимание зовут к труду, действию, работе ради твоего города или поселка и всего государства, тогда ты патриот в точном смысле слова. Тогда ты истинный патриот. Наступает момент, когда в человеческом сознании и сердце происходит озарение и разрозненные факты объединяются и вызывают уже не просто гордость за свой город и его людей — гордость за дела своего Отечества, его героев, вызывают великое и жгучее желание не оказаться сбоку, на обочине движения. Счастлив тот, кто постигает эти ощущения собственными усилиями. Вдвойне счастлив человек, познавший их в юности — в самом начале жизни.

Как Николай Чепик.

Как те, кто чтит память о нем.

Как те, кто собственным трудом длит его дело.

Вот и еще один ответ на вопрос — что остается после человека, прожившего на земле только 20 лет...

...Возвращаясь из родных мест Николая, я думал об этом и о многом другом, но чаще всего о том, о чем уже говорил: о молодости солдата. О том, что в жизни Героя Советского Союза комсомольца Николая Чепика все помечено печатью юности, ее весенними красками.

И лишь память о бюсте героя заставляла забыть о его возрасте. А забыв о возрасте, видеть главное — судьбу зрелого мужчины. Судьбу, в которой было все: учеба, работа, любовь, служба и ратный подвиг.

...В один из дней в Минский областной военкомат пришли десять молодых парней. Встретились с руководством. Рассказали — служили с Чепиком, в Минск приехали из разных мест. Хотят съездить на родину Николая, встретиться с его родителями, узнать, не нужна ли какая помощь.

В военкомате поступили по-военному: тут же были организованы машина, сопровождающий, и в тот же день бывшие сослуживцы Коли постучали в дверь Татьяны Петровны и Петра Антоновича:

— Мы — друзья Коли...

...Однажды в одной из воинских частей, где Николай начинал свою службу — задолго до отъезда в Афганистан, — на столе генерала зазвонил внутренний телефон — звонил дежурный КПП.

— Товарищ генерал, — сказал взволнованный голос, — с вами хотят поговорить какие-то люди.

— Что значит «какие-то люди»? — спросил генерал, привыкший к определенности во всем. — Военные, гражданские?

— Гражданские, — сказал дежурный.

— О чем они хотят поговорить?

— Они хотят попасть на территорию части.

— Они что, — повысил голос генерал, — не знают, что это запрещено?

— Знают, — сказал дежурный. — Но они хотели поговорить с вами. Они говорят — вы разрешите... Они с цветами, здесь невеста.

— Соедини! — приказал генерал.

— Товарищ генерал! — раздался в трубке молодой голос. — Я — жених, то есть бывший солдат... А сейчас я женился... Я здесь с невестой и друзьями.

— Поздравляю с женитьбой, — механически проговорил генерал.

— Спасибо, но мы хотели проехать на территорию части... Мы хотим возложить цветы к обелиску Коли Чепика.

Генерал крепче сжал трубку.

— Мы служили с ним в Афганистане. Были друзьями... договаривались, что погуляем на свадьбах друг у друга...

Спустя некоторое время генерал расскажет об этом случае Татьяне Петровне и Петру Антоновичу.

— Не поверите, — вспомнит он, — но я растерялся. Растерялся — и все! Держу трубку — молчу. Потом приказал: «Ребят пропустить! Дать сопровождающего! К бюсту Чепака проводить! Со свадьбой поздравить!»

Последняя запись в зеленом «фольклорном» блокноте Николая: «Салютую тем, кто стоит у открытого люка и ожидает команду: «пошел!»

...Николая Чепака можно представить хорошим, уважаемым всеми рабочим. Можно представить агрономом, инженером или руководителем хозяйства — почему бы и нет? Его можно представить как хорошего семьянина — отца детей... Его образ, по существу, соизмерим с большинством людей, окружающих нас. Нельзя представить себе только одного: что этот нормальный, трудолюбивый, надежный парень не выполнит своего долга — в чем бы этот долг ни состоял. Этого представить себе невозможно.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОИСК ОТВЕТОВ	5
ПЕРЕД БОЕМ	24
БУДНИ (поиск ответов)	32
ПЕРЕД БОЕМ	49
БУДНИ (поиск ответов)	52
ПЕРЕД БОЕМ	62
БУДНИ (поиск ответов)	65
БОЙ	90
ПАМЯТЬ	92

Бочаров Г. Н.

Б 86 Поле жизни. — М.: Мол. гвардия,
1985. — 111 с., ил.

10 к. 50 000 экз.

Автор — лауреат премии Ленинского комсомола Геннадий Бочаров — рассказывает о двадцатилетнем белорусском комсомольце, воине Советской Армии Николае Чепике, удостоенном звания Героя Советского Союза (посмертно) за подвиг, совершенный при исполнении интернационального долга в Афганистане.

Б 4702010200—315
078(02)—85 **КБ—042—012—85** **ББК 68.49(2)243**
355С

ИБ № 4927

Геннадий Николаевич Бочаров

ПОЛЕ ЖИЗНИ

Редактор И. Данченко
Художник М. Лисогорский
Художественный редактор Е. Кондратенко
Технический редактор Т. Кулагина
Корректоры И. Тарасова, Т. Пескова

Сдано в набор 10.06.85. Подписано в печать 21.10.85.
А13700. Формат 60×90^{1/32}. Бумага типограф-
ская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая».
Печать высокая. Условн. печ. л. 3,5. Усл. кр.-
отт. 3,98. Учетно-изд. л. 3,3. Тираж 50 000 экз.
Цена 10 коп. Зак. 1084.

Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Ад-
рес издательства и типографии: 103030, Москва,
К-30, Суцеская, 21.

99 920

10 коп.

7 2511

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

2007465899